

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина»
Факультет филологии и журналистики
Кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики**

ДОПУЩЕНА К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
_____ / Желтова Н.Ю.
«__» _____ 2020 г.

Худякова Мария Вячеславовна

**ПОЭТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В РОМАНАХ М. ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ» И
ДЖ. ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»**

Бакалаврская работа

студента 4 курса 4019 группы
очной формы обучения
направления подготовки
45.03.01 Филология, профиль
«Отечественная филология
(русский язык и литература)»

Руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и
зарубежной литературы,
журналистики
Платицына Наталья Игоревна

РЕФЕРАТ

Худякова М.В. Поэтика национального характера в романах М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден» / Тамб. гос. ун-т имени Г.Р. Державина, факультет филологии и журналистики, Тамбов, 2020. 75 с.

Ключевые слова: русская литература, американская литература, М. Горький, Дж. Лондон, «Фома Гордеев», «Мартин Иден», национальный характер, компаративный анализ.

Цель выпускной квалификационной работы состоит в исследовании поэтики национального характера в романах М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден».

Цель обусловила основные **задачи** исследования:

- 1) систематизировать и обобщить основные научные подходы к изучению национального характера в современной гуманитарной науке;
- 2) дифференцировать понятия «национальный характер», «менталитет» и «национальная идентичность» и обосновать их релевантность осуществляемому исследованию;
- 3) сформулировать определение национального характера применительно к анализируемым романам;
- 4) выявить этнокультурные, социокультурные и литературно-эстетические истоки интереса М. Горького и Дж. Лондона к изображению и осмыслению национального характера;
- 5) определить общие и индивидуально-авторские способы изображения национального характера (русского и американского) в их соотнесённости с историческими, социальными, культурными, психологическими и иными реалиями, влияющими на формирование личности главных героев – Фомы Гордеева и Мартина Идена.

Объектом исследования является художественная структура романов М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден».

Предмет исследования – особенности изображения национального характера, выявление объективных и субъективных факторов его формирования (на примере указанных романов).

Методика исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем элементы биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического (генетического и типологического), герменевтического, психологического, рецептивного методов и подходов.

Актуальность ВКР определяется её соотнесённостью с приоритетными направлениями современной гуманитарной науки, изучающими диалог национальных культур и литератур, специфику национального характера и связанных с ним представлений о национальной идентичности, национальной психологии, особенности экспликации индивидуально-авторской и национально-поэтической картин мира. В отечественной филологической науке уже давно возникла необходимость в пересмотре, существенном уточнении и дополнении сложившихся исследовательских подходов к двум крупнейшим произведениям мировой литературы, а также в разработке новых, в том числе и междисциплинарных исследовательских стратегий с учётом современных достижений литературоведения, культурологии, философии, психологии, социологии.

Научная новизна выпускной квалификационной работы определяется, прежде всего, тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении сопоставляются романы Горького и Лондона в ракурсе изучения поэтики национального характера. При этом осуществляется комплексный, всесторонний анализ творческого влияния русского романа на американский, устанавливаются генетические и типологические связи, а также принципиальные поэтологические и идеологические различия, обоснованные как мировоззрением и творческим методом писателей, так и национально-культурными и литературными традициями.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что её материалы могут быть использованы при разработке лекционных и практических занятий, спецкурсов и спецсеминаров, посвящённых художественной репрезентации национального характера, творчеству М. Горького и Дж. Лондона, а также при написании курсовых и бакалаврских работ, магистерских диссертаций, тематически связанных с концепцией данного исследования.

СОДЕЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Национальный характер как теоретическая проблема	10
1.1. Национальный характер и актуальные тенденции его изучения в современной гуманитарной науке.....	10
1.2. Национальный характер, менталитет и национальная идентичность: специфика экспликации понятий.....	15
1.3. Особенности художественного воплощения национального характера в русской и американской литературах рубежа XIX-XX веков.....	21
1.3.1. Специфика изображения русского характера в творчестве А.П. Чехова, А.И. Куприна и И.А. Бунина.....	22
1.3.2. Отражение особенностей американского характера в творчестве М. Твена, Т. Драйзера и Ф.С. Фицджеральда.....	26
Глава 2. Романы «Фома Гордеев» и «Мартин Иден» в оценках современного отечественного и зарубежного литературоведения	32
2.1. Роман «Фома Гордеев» в зеркале современного отечественного литературоведения.....	32
2.2. Исследовательские подходы к анализу проблематики и поэтики романа «Мартин Иден».....	38
Глава 3. Специфика изображения национального характера в романах М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден»	46
3.1. Проблема поиска смысла жизни и его утраты.....	46
3.2. Мотив одиночества и его художественные функции.....	52
3.3. «Русское» и «американское» в романах «Фома Гордеев» и «Мартин Иден».....	59
Заключение	66
Список использованных источников	69

ВВЕДЕНИЕ

Максим Горький (1868-1963) и Джек Лондон (1876-1916) – писатели, принадлежавшие к двум крупным национальным культурным традициям (русской и американской), на протяжении длительного времени испытывали чрезвычайный интерес к национальному характеру и особенностям его проявления. Их волновала не только проблема национальной идентичности, сложнейшие механизмы её актуализации через оппозиции *свой – чужой, свой – другой*, но и сама личность с её национально обусловленными чертами, свойствами, качествами и одновременно – с её субъективной, индивидуальной, определяемой воспитанием, образованием, социальной принадлежностью картиной мира.

Осмысление мировоззрения и мироощущения героя, этапов формирования и становления, духовных, нравственных поисков – важная художественная задача М. Горького и Дж. Лондона. Пути её решения предложены в разных произведениях писателей, в том числе в классических романах «Фома Гордеев» и «Мартин Иден». Несмотря на длительную и успешную историю их изучения, в отечественном литературоведении не существует целостного комплексного исследования психологии главных героев как представителей определённой национально-культурной традиции.

Таким образом, **цель** выпускной квалификационной работы состоит в исследовании поэтики национального характера в романах М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден».

Цель обусловила основные **задачи** исследования:

- 1) систематизировать и обобщить основные научные подходы к изучению национального характера в современной гуманитарной науке;
- 2) дифференцировать понятия «национальный характер», «менталитет» и «национальная идентичность» и обосновать их релевантность осуществляемому исследованию;
- 3) сформулировать определение национального характера применительно к анализируемым романам;

4) выявить этнокультурные, социокультурные и литературно-эстетические истоки интереса М. Горького и Дж. Лондона к изображению и осмыслению национального характера;

5) определить общие и индивидуально-авторские способы изображения национального характера (русского и американского) в их соотнесённости с историческими, социальными, культурными, психологическими и иными реалиями, влияющими на формирование личности главных героев – Фомы Гордеева и Мартина Идена.

Объектом исследования является художественная структура романов М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден».

Предмет исследования – особенности изображения национального характера, выявление объективных и субъективных факторов его формирования (на примере указанных романов).

Методика исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем элементы биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического (генетического и типологического), герменевтического, психологического, рецептивного методов и подходов.

Актуальность ВКР определяется её соотнесённостью с приоритетными направлениями современной гуманитарной науки, изучающими диалог национальных культур и литератур, специфику национального характера и связанных с ним представлений о национальной идентичности, национальной психологии, особенности экспликации индивидуально-авторской и национально-поэтической картин мира. В отечественной филологической науке уже давно возникла необходимость в пересмотре, существенном уточнении и дополнении сложившихся исследовательских подходов к двум крупнейшим произведениям мировой литературы, а также в разработке новых, в том числе и междисциплинарных исследовательских стратегий с учётом современных достижений литературоведения, культурологии, философии, психологии, социологии.

Научная новизна выпускной квалификационной работы определяется, прежде всего, тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении сопоставляются романы Горького и Лондона в ракурсе изучения поэтики национального характера. При этом осуществляется комплексный, всесторонний анализ творческого влияния русского романа на американский, устанавливаются генетические и типологические связи, а также принципиальные поэтологические и идеологические различия, обоснованные как мировоззрением и творческим методом писателей, так и национально-культурными и литературными традициями.

Теоретико-методологическую базу бакалаврской работы составили отдельные концепции и положения, эксплицирующие современные научные представления о национальном характере, национальной идентичности, менталитете и сформулированные в литературоведческих, социологических, культурологических трудах (А.М. Гороховой, Н.Ю. Желтовой, В.В. Колесова, А.М. Черныша, А.В. Швецово́й, Ю.А. Шубина и др.); исследования, посвящённые творчеству М. Горького (В.Г. Андреевой, Е.А. Кулешовой, А.В. Маркович, И.А. Поповой, О.А. Спирягиной, Н.Ю. Толмачёвой, В.А. Ханова и др.) и Дж. Лондона (С.Г. Вишленковой, Е.В. Костиной, Н.Э. Кутеевой, И.Е. Луниной, М.М. Паршуковой, Л.М. Цековой, О.И. Чебан и др.). В выпускной квалификационной работе использованы фрагменты научных работ на английском языке, писем Дж. Лондона, переведённые автором ВКР.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что её материалы могут быть использованы при разработке лекционных и практических занятий, спецкурсов и спецсеминаров, посвящённых художественной репрезентации национального характера, творчеству М. Горького и Дж. Лондона, а также при написании курсовых и бакалаврских работ, магистерских диссертаций, тематически связанных с концепцией данного исследования.

Апробация результатов выпускной квалификационной работы осуществлялась на Международной научной конференции «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018-2019 гг.), Всероссийской научно-практической конференции преподавателей и студентов «Державинские чтения» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018-2020 гг.), Региональной научной конференции молодых учёных «Традиционная народная культура: комплексное исследование» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018 г.), в рамках Гуманитарной школы «Открытый мир» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018 г.), Международной научной конференции «Экология языка и речи» (Тамбов, 2019).

Работа над исследованием проводилась в Российской государственной библиотеке, Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино при финансовой поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив» (Фонд Михаила Прохорова).

Структура ВКР включает введение, три главы, заключение и список использованных источников, содержащий семьдесят четыре наименования (6 из них – на английском языке).

По теме исследования опубликовано 8 статей.

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Национальный характер и актуальные тенденции его изучения в современной гуманитарной науке

Вопросы о том, кто есть человек, какова его сущность, какое место он занимает в мире, волновали мыслителей разных эпох и культур на всём пути развития гуманитарных и других областей знания. Наука пыталась постичь тайну человеческой природы и характера в прошлом, это продолжается и в настоящее время.

Этимология слова «характер» восходит к древнегреческому «charakter» (χαρακτήρ), что дословно переводится как «отпечаток», «отличительная черта, особенность, своеобразие, характер», «примета, признак» [5, с. 1764-1765]. Несмотря на эволюцию в понимании национального характера, основной постулат об особости, индивидуальности, отличительности оставался неизменным. На основе простой семантики слова «характер» логично можно было бы построить определение, однако в истории гуманитарных наук так и не было выведено общепринятой дефиниции, которая бы в полной мере описывала особенности национального характера.

На невозможность однозначного истолкования природы и сущности национального характера указывал великий русский мыслитель Н.А. Бердяев (1874-1948): «Есть очень большая трудность в определении национального типа, народной индивидуальности. Тут невозможно дать строго научного определения. <...> И в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины» [16, с. 29]. В 1980-ые годы философ, культуролог и литературовед Г.Д. Гачев (1929-2008) высказал точку зрения, близкую позиции Н.А. Бердяева: «Национальный характер народа, мысли, литературы – очень “хитрая” и трудно уловимая материя. Ощущаешь, что он есть, но как

только пытаешься его определить в словах, он часто улечивается, и ловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или усматриваешь в нём то, что присуще не только ему, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться – но не победить» [22, с. 55].

Проблема национального характера до настоящего времени продолжает оставаться актуальной. Очевидно, что на современном этапе развития гуманитаристики существуют кардинально противоположные мнения. Один из самых дискуссионных вопросов: существует ли национальный характер вообще? В этой связи в разных областях современной гуманитарной науки складываются различные подходы к определению природы, содержания и сущности национального характера. Различные формулировки термина «национальный характер» предлагаются ввиду междисциплинарности и научного плюрализма в отношении его категоризации.

Как предмет исследования лингвокультурные, психологические, поведенческие и иные особенности народов входят в приоритетный круг различных гуманитарных областей знания: культурологии, этнологии, этнической психологии, философии, социологии, социальной психологии, этнопсихоллингвистики, литературоведения и лингвистики и др. Нельзя не согласиться с парадоксом: «...на уровне обыденного сознания факт существования национального характера не вызывает сомнения и воспринимается как данность, как нечто естественное, а научное сообщество так и не пришло к единому мнению относительно факта существования национального характера» [64].

Важно отметить, что тенденции исследования национального характера разновекторны: от общего к частному (нация – характер – личность) и, наоборот, от частного к общему (личность – характер – нация). Мы полагаем, что основное противоречие заключается в определении «прародителя» национального характера, в осознании того, формирует ли личность характер

нации или окружающая действительность доминирует над личностными качествами человека.

В ходе нашей работы было установлено, что в современной гуманитарной науке в равной степени существуют два этих подхода, взаимодополняющих друг друга и расширяющих представление о национальном характере. В этой связи представляется важным остановиться на наиболее значимых аспектах изучения национального характера.

Любопытной представляется версия, согласно которой характер рассматривается как динамическая структура в социокультурном процессе, используемая для идентификации личности в конкретном социокультурном пространстве. Динамический подход к определению национального характера разрабатывает доктор философских наук А.В. Швецова. В статье «Национальный характер как проблема культурологических исследований» (2013) она утверждает: «Национальный характер олицетворяет не столько эмпирическую, сколько виртуальную реальность. Он является главным образом произведённой культурой формой тождества человеческого индивида с этническим (национальным) сообществом, формой идентификации индивида с этносом» [65, с. 15]. Мы видим, что вопрос о реальности существования феномена национального характера вновь ставится под сомнение, однако признаётся существование самого понятия «национальный характер», используемого как средство национальной или даже этнической идентификации личности. В этой точке зрения ясно прослеживается мысль о том, что человек формирует характер нации, а не наоборот.

Противоположным, на наш взгляд, предстаёт культурологический подход рассмотрения национального характера, основным свойством которого считают социокультурную обусловленность. В этой связи национальный характер «рассматривается как зеркало национальной культуры, а национальная культура – как содержание национального характера» [9, с. 129]. Из вышесказанного следует, что понятие

национального характера шире, чем понятие национальной культуры, которая находит выражение в своих характерных представителях, типах культуры. Нельзя не согласиться, что в таком случае «национальный характер можно проинтерпретировать как культурную универсалию, фиксирующую специфику культурных различий» [45, с. 111], ведь именно благодаря особым национальным чертам характера, в большей степени присущих только одному народу, возможно существование и различие национальных культур в поликультурном современном пространстве не просто по географическому местоположению, а на основе личностных духовных качеств её представителей.

В современной гуманитаристике утвердился ещё один подход – культурно-нормативный, или ценностный, согласно которому под национальным характером подразумевается «некий конгломерат специфических ценностей, ценностных ориентаций, установок, поведенческих норм, которые не передаются генетически по наследству, а трансформируются посредством социализации и инкультурации» [45, с. 110]. Очевидно, что данный подход подразумевает критическую оценку возможности наследования национальных черт в полной форме без каких-либо изменений. Это невозможно ввиду того, что личность развивается и формируется в определённом социуме, и на каждое новое поколение будет накладываться отпечаток его современности, то есть нельзя говорить об абсолютной универсальности национального характера. Внутренняя форма (константы, передаваемые на генном уровне) остаётся неизменной, видоизменяется лишь внешняя оболочка (время и социальное окружение). В этой связи согласимся с мнением Н.Ю. Желтовой о том, что «образ жизни каждого этноса подвержен неизбежным изменениям в процессе исторического развития, в результате которых изменяется и психология нации, происходит деформация ценностных установок» [26, с. 21]. Однако константы характера, национального духа остаются неизменными и проносятся через всё время существования той или иной нации. Именно это

является условием наличия и дифференциации различных культурных традиций в мировом пространстве.

Несмотря на различия в определении национального характера и его сущности, наблюдается общая тенденция рассмотрения данной проблемы в выдвинутой нами ранее трёхчленной системе: личность – характер – нация. Это объяснимо, поскольку невозможно представить существование человека, обладающего исключительным характером, без возможности соотнесения его с какой-либо из национальных культур. И наоборот, не представляется возможным рассматривать национальный характер как что-то абстрактное, как обобщённый признак целой нации без вычленения отдельных черт на примерах конкретных индивидов. Поэтому «национальный характер» в современной отечественной гуманитарной науке «предстает как некое *синтезирующее единство* (курсив мой. – М.Х.) психофизиологических, духовных и культурных особенностей народа, его ценностных ориентаций, которые проявляются в исторических, социальных, экономических условиях жизни и скрепляют людей в единый народ» [64]. Только взаимодействие всех частей (отдельных личностей) в рамках одного направления (национальной культуры) позволяет существовать и функционировать сложному, многокомпонентному организму (национальному характеру).

Исследование специфики и особенностей проявления национального характера – процесс многоступенчатый, требующий всестороннего анализа вопроса о сущности рассматриваемого явления. Согласно мнению О.С. Красильниковой, «во-первых, описывая черты характера, можно попытаться определить особенности культурного типа <...>. Во-вторых, невозможно рассматривать национальный характер как абстракцию, вне связи с культурной средой, с системой ценностей. В-третьих, сравнение стереотипов, которые являются элементами национального характера, помогает почувствовать отличие, неповторимость культур через национальный характер» [33, с. 81].

Представляется, что на современном этапе развития гуманитарной науки всё ещё не удалось выработать исчерпывающего определения национального характера. По-видимому, проблема заключается в многозначности этого понятия, а также в существовании близких, но тем не менее отличных от него понятий «менталитет» и «национальная идентичность», без рассмотрения которых невозможно полноценное понимание национального характера и связанных с ним особенностей народа.

1.2. Национальный характер, менталитет и национальная идентичность: специфика экспликации понятий

Подобно тому, как нет единого определения национального характера, не существует единого научного мнения о природе менталитета и национальной идентичности. Важным этапом данного исследования представляется рассмотрение указанных понятий и установление их взаимосвязи с национальным характером.

Национальный менталитет – понятие сложное и многоплановое. Принципиально важно, что оно «включает в себя не только когнитивную, но и эмоциональную, духовную сферу, что делает его сложным не только для понимания, но и для изучения» [20, с. 249]. Это мнение во многом повторяет высказанную Н.А. Бердяевым и Г.Д. Гачевым точку зрения о терминологической «неуловимости» этих понятий, несмотря на их безусловное присутствие в нашей жизни.

В культурологических дисциплинах под менталитетом понимают следующее: «Менталитет – образ, способ мышления человека (или общественной группы), а также присущая ему духовность и её социальная и биологическая обусловленность; склад ума, умственный настрой, мировоззрение; особенности индивидуального сознания человека, его жизненной позиции, культуры, модели поведения, обусловленные

социальной средой, национальными традициями и т.п. Менталитет свидетельствует о специфических чертах социализации человека, его автономности и самобытности развития, суверенности как субъекта общественной жизни» [7, с. 374].

Е.А. Волкова справедливо отмечает, что «именно менталитет общности, к которой принадлежит индивидуум, в значительной степени определяет, что он признаёт ценным, достойным, высокоморальным и так далее, и влияние стереотипов сознания и поведения, обусловленных менталитетом, неизбежно проявляется в различных аспектах деятельности всех индивидов» [20, с. 251]. Многими исследователями подчёркивается, что справедливость и свобода являются ключевыми ценностями русского менталитета, поскольку вся русская классическая литература свидетельствует именно о поиске справедливости в том или ином проявлении. Наиболее полно изучить, какими константами репрезентирован русский менталитет, можно только при тщательном анализе языковых единиц, в которых заложен культурный код нации.

В этом отношении примечательна точка зрения ведущего отечественного лингвиста В.В. Колесова, полагающего, что менталитет представляет собой картину миру с особыми ценностными ориентирами, основанную на этнических предрасположениях и исторических традициях: «Проявляясь на основе общего языка в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества, менталитет, однако, существует длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий» [29, с. 11].

В последнее время наряду с понятием «менталитет» стало применяться понятие «ментальность». Данные представления находятся между собой в соотношении «общее / частное». Если под менталитетом понимается некое специфическое явление, характерное для человека вообще, то под ментальностью – форма его конкретного проявления: «В этой связи говорят о ментальности (но не о менталитете) определённых социальных общностей

или групп (русская, немецкая, английская ментальность, ментальность дворянства, купечества, крестьянства, студенчества и т.д.), о ментальности определённого культурно-исторического периода (ментальность первобытного общества, ментальность эпохи Ренессанса, ментальность советского периода русской истории), а также о ментальности отдельного человека» [7, с. 376]. Так, например, в книге «Русская ментальность в языке и тексте» (2006) профессор В.В. Колесов настаивает на строгом разграничении понятий «менталитет» и «ментальность», поскольку первое больше связано с разумом, в то время как второе – это «нечто душевно-мягкое, понятие скорее этическое, чем логическое, и даже не понятие, а представление, которому определение дать столь трудно, что никто его и не даёт» [29, с. 12].

По мнению учёного, ментальность представляет собой особое соединение интеллектуальных, духовных и волевых качества национального характера в типичных для него проявлениях и свойствах. В.В. Колесов предпринимает попытку дать общее определение данному понятию: «Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определённой обстановке – это и есть ментальность» [29, с. 13].

Нами ранее было отмечено одно из основных свойств национального характера – социокультурная обусловленность. Согласно Н.Н. Анисимовой, «вторым свойством национального характера является синтез этнического и социокультурного. Третьей важной чертой национального характера является национальная идентичность, осознание собственной национальной самобытности и отличия от других наций и этнических общностей» [9, с. 131]. Разумеется, данный исследователь считает идентичность составляющей частью национального характера, в то время как некоторые учёные (например, А.М. Горохова) находят, что именно идентичность является более широким понятием, в отличие от характера, который входит в состав национальной идентичности: А.М. Горохова придерживается «концепции

универсализма термина «менталитет», который вбирает в себя ассоциативные капсулы феноменов национального характера и национальных стереотипов» [23, с. 25].

Важным является замечание, согласно которому «национальный характер всегда связан с национальной психологией, национальным сознанием и самопознанием» [26, с. 26]. Это особенно значимо, поскольку, учитывая точку зрения о неизбежной трансформации характера при соприкосновении с другой социальной средой, личность начинает себя идентифицировать с той национальной культурой, в которой происходит его развитие и формирование, при этом чаще всего происходит утрата или нивелирование генетических связей с наследственным характером. Предпосылкой личностной самоидентичности выступает самоопределение, которое осуществляется в процессе самопознания как необходимого условия свободы и сознательного «выбора себя»: «Самоопределение не сводится к самопознанию или самопониманию, оно подразумевает управление собой, мотивирование собственной деятельности, саморегуляцию, самоорганизацию» [66, с. 44].

Не менее важным, чем определение идентичности, является вопрос о разграничении, несмотря на их связь, этнической и национальной идентичностей. Эти понятия, как отмечает Т.Г. Грушевицкая, «требуют определённой «расшифровки», так как в массовом сознании понятия «этнос» и «нация», а, следовательно, «этническая» и «национальная» культуры нередко рассматриваются как синонимы» [24, с. 137]. По мнению В.В. Кочеткова, «главный и основной признак нации, отличающий её от этноса, – это наличие национальной идеи, т.е. идеального образца, совместно творимого, обсуждаемого, критически отрефлексированного» [32, с. 158], и с этим нельзя не согласиться. Известно, что в русской и американской традициях существуют так называемые культурные идеи: *Русская Идея* и *«Американская мечта»*, что позволяет в свою очередь говорить именно о национальном, а не об этническом характере. Однако в нашем исследовании

мы примем положение, в котором понятия этноса и нации выступают в единстве и взаимообусловленности: «Под национальной идентичностью понимается осознание тождества, самоопределяющее отнесение личности к конкретной этнической группе, то есть к конкретному народу, конкретной нации» [26, с. 122].

Иными словами, идентичность представляет собой самоидентификацию человека или группы. При этом личностное соотнесение себя с определённой средой, культурой, происходит не изолированно только на уровне внутреннего самопознания и духовного развития, а открыто, поскольку огромную роль в самоидентификации играет восприятие одной конкретной личности другими. Данное положение значимо, поскольку многие межличностные конфликты, возникающие на первый взгляд между близкими как по социальной, так и по культурной принадлежности людьми, тем не менее объясняются именно непринятием одних в узком контексте другими представителями этой же национальной культуры: «Идентичности определяются «самостью», являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами. Восприятие другими оказывает существенное влияние на самоидентификацию человека или группы. Если при попадании в новый социальный контекст человек оказывается в положении чужака, изгоя, он, по всей вероятности, начнёт сам себя считать чужаком» [60, с. 52].

Идентичность во многом определяет поведение человека, которое в свою очередь играет исключительную роль, так как несоответствие общепринятым нормам из-за преобладания индивидуальных качеств характера, противопоставленных общему образу действия, ведут к конфликту и, как следствие, в большинстве случаев к отрыву личности от определённой социальной группы. При этом внешние источники идентичности чаще всего находятся не в глобальном социальном контексте страны, а в ближайшем окружении, которое и закладывает основные черты национального характера.

Из вышесказанного следует, что идентичность, с одной стороны, отражает склонность общества или личности к некому постоянству и стабильности, а с другой – предстаёт явлением «динамическим, поскольку формируется в конкретных социально- и культурно-исторических обстоятельствах и постигается на всём протяжении развития общества и личности» [26, с. 121-122].

Рассмотрев основные проблемные вопросы, следует отметить, как соотносятся рассмотренные понятия в выпускной квалификационной работе. На низшей ступени располагается *национальная идентичность*, поскольку в большей степени понятийное содержание данного термина характеризует личность с точки зрения её осознания своего места в этом мире и соотнесённости себя с какой-либо национально-культурной традицией. Идентичность заключена в рамках личности, один человек выступает главным звеном в рассматриваемой ситуации. Вторую ступень занимает *менталитет*, границы которого значительно расширяются и переносятся с индивидуального самоопределения на коллективное сознание. На этом уровне происходит включение отдельного индивида в какую-либо общность с близкими ему установками. На высшей ступени, представленной *национальным характером*, находят своё отражение те черты, свойственные в большей или меньшей степени всем различным социальным общностям и каждой отдельно взятой личности. Именно национальный характер является закрепляющим звеном в пирамиде человеческих взаимоотношений. Условно соотношение данных понятий можно представить следующим образом: национальная идентичность → менталитет → национальный характер.

Ещё один ключевой термин – поэтика. В ВКР поэтика трактуется как наука, изучающая «порождающую, генерирующую сущность художественных образов, каждый из которых является хотя бы маленькой частичкой предыдущего, давая начало новой серии, новому ряду, кругу порождений, видоизменяясь таким образом до бесконечности» [26, с. 36]. Поскольку бесспорное большинство средств выражения в литературе

сводятся к языку, мы определяем поэтику как науку о художественной роли средств изображения и особых элементов текста, формирующих эстетическое впечатление от произведения и вызывающих эмоциональный отклик.

В настоящем исследовании национальный характер рассматривается с точки зрения культурологического и национально-психологического подхода, наиболее полно удовлетворяющих потребности литературоведения при исследовании национального характера, в том числе через художественные тексты, репрезентирующие данный аспект. В этой связи национальный характер осознаётся как сложное социальное явление, особый психогенетический склад народа, возникающий на основе совокупности традиций, исторического и социокультурного опыта нации, включающий идеи, духовные ценности, мотивы, стремления, стереотипы, чувства, мораль, социально-психологические механизмы защиты, характерные для представителей той или иной национальной культуры.

Поэтику национального характера можно интерпретировать как художественное изображение комплекса ценностных установок народа, находящего выражение в литературном образе.

1.3. Особенности художественного воплощения национального характера в русской и американской литературах рубежа XIX-XX веков

Литература обладает большим количеством средств для изображения национального и индивидуального характеров, ярко и реалистично воссоздаёт окружающую действительность. Главное преимущество художественных текстов – это язык, на котором они созданы, это безграничные возможности слова, почти каждое из которых несёт на себе отпечаток культуры. В. фон Гумбольдт отмечал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [25, с. 68].

Именно в языке заключён тот культурный код, который содержит в себе уникальный набор «генов» каждой нации. В этом случае носителем генов в художественном пространстве, «единицей художественного языка, или «словом» художественной культуры является образ» [43, с. 33]. Каждый образ, воссозданный писателем, важен при исследовании поэтики национального характера, ведь «принципиальность образных репрезентаций состоит в том, что они зачастую сопряжены с чувством, то есть к смысловому содержанию образа прибавляется чувственная стихия, которая выражает отношения к вещам и явлениям внешнего и внутреннего миров» [43, с. 33].

Мировая литература даёт богатый материал для размышлений о коренных свойствах национального менталитета, о сложившихся стереотипах о той или иной нации. Примечательно, что «в художественном произведении в силу его эстетической специфики носитель национального характера уже изначально выступает и позиционируется писателем как человек определённой культуры. <...> В творческой реальности писателя это может означать, что феномен национального характера используется им как способ познания законов национальной истории и бытия, как инструмент влияния на сознание читателя, а через него и культуру всей эпохи» [26, с. 24]. Исследование многоуровневого механизма репрезентации национального характера в художественном тексте позволяет глубже познать как творческую натуру автора, так и воссозданный им образ «национального героя».

1.3.1. Специфика изображения русского характера в творчестве

А.П. Чехова, А.И. Куприна и И.А. Бунина

Проблема национального характера отразилась в произведениях многих русских классиков, каждый из которых акцентировал внимание на каких-то определённых чертах и свойствах русской психологии. Глубина

проникновения в национальную психологию, изображение противоречий русского характера присущи А.С. Пушкину (1899-1937), И.А. Гончарову (1812-1891), Ф.М. Достоевскому (1821-1881), Л.Н. Толстому (1828-1910), А.П. Чехову (1860-1904). Творчество последнего заслуживает особого внимания в рамках исследуемой проблемы.

Вся русская классическая литература шла по пути духовности, изображая мельчайшие колебания души русского человека. Поэтому «отправной точкой русской философии является положение, согласно которому человек может существовать только в целостном мире. Выражением такой целостности является понятие «дух» [61, с. 226]. Рассказы, повести и драмы А.П. Чехова в совокупности создают достоверный портрет России и образ русского человека во всём богатстве сословных, профессиональных, социально-культурных, личностных и поведенческих проявлений.

Проблема русского национального характера никогда не ставилась у А.П. Чехова как специальная, сознательно акцентированная в творчестве, в то время как у многих его предшественников и современников данная тема была едва ли не доминирующей. Нельзя не согласиться, что тема интеллигенции – одна из ключевых в творчестве писателя, на примере образов интеллигентов он и обращается к проблемам русского национального характера.

Большинство героев А.П. Чехова – это люди, ставящие перед собой высокие цели, с которыми не в силу справиться из-за внутренней нерешительности. Они обречены на одиночество как в помыслах, так и в делах. Героям драмы «Иванов» (1887), «Дядя Ваня» (1896), «Вишневый сад» (1903) и др. свойственна фатальная внутренняя нерешительность, которая сводит к нулю все стремления к полноценной жизни, и А.П. Чехов всё более признаёт это. Однако в некоторых героях всё-таки сочетаются и душевная красота, и трудолюбие, и решимость. Наиболее яркими образами можно признать доктора Астрова («Дядя Ваня»), Нину Заречную («Чайка») и др.

Также нельзя не отметить юмористические рассказы А.П. Чехова («Смерть чиновника» (1883), «Толстый и тонкий» (1883), «Хамелеон» (1884), «Человек в футляре» (1898) и др.), в которых представлена целая галерея русских характеров, каждый из которых то с положительной, то с отрицательной стороны рисует русского человека.

В разных формах поэтика национального характера находила выражение и в творчестве А.И. Куприна (1870-1938). Так в диссертации С.А. Кулагина «Проблема национальной идентичности в прозе А.И. Куприна» (2009) отмечается, что антиномиям русского национального характера и их проявлениям посвящены многие произведения писателя, среди которых можно выделить рассказ «Река жизни» (1906), который берёт своё начало из раннего произведения писателя «Квартирная хозяйка» (1895): «Традиционно выделяемые в русском характере склонность к противоречиям, двойственность мировидения находят отражение в структуре произведения и основных его образах» [34, с. 13].

Интересен в отношении репрезентации русского национального характера рассказ «Штабс-капитан Рыбников» (1906). Любопытно представление в рассказе русского характера не напрямую, а опосредованно, через образ японского шпиона. Этот персонаж вобрал в себя все нежизнеспособные стереотипы о чертах русского человека: «доверчивость, граничащей с детской наивностью, разухабистость, безудержное пьянство, вечная тоска, внезапно сменяемая разгульным весельем, общительность вкупе с навязчивостью, нищенствование, хвальба в сочетании с самоуничижением и самоунижением» [26, с. 140]. Отмечается частотное употребление слова «авось» в произведениях А.И. Куприна («Штабс-капитан Рыбников», цикл очерков «Рыжие, гнедые, серые, вороные...» (1928), «Царицынское пожарище» (1901) и др.). Это типичное слово-константа русского менталитета, вмещающая в себя основные черты русского человека. Характерное «авось», как подчёркивает С.А. Ильина, отсылает к таким традиционно отмечаемым «свойствам русского характера, как лень,

пассивность, созерцательность, безразличие к результату и вера в чудо» [27, с. 138]. Однако А.И. Куприн отрицательно относится к такому образу мышления и жизни: «...признавая этот стиль жизнь весьма характерным для русского народа и понимая, что эта установка стала своеобразным штампом образа русского человека в глазах носителей иной культуры, писатель демонстрирует негативное отношение к авось-установке» [27, с. 138].

Ещё один русский писатель, в творчестве которого ставилась проблема национального характера, – И.А. Бунин (1870-1953). И.А. Бунин обнаруживает противоречие в национальном характере: в нём далеки друг от друга нравственность и деятельное начало, доброта и практичность. Особенно ясно это прослеживается в произведениях, посвящённых жизни простого народа («Деревня» (1910), «Суходол» (1911), «Деревенский человек» (1911), «Хорошая жизнь» (1911), «Ночной разговор» (1911), «Игнат» (1912), «Худая трава» (1913), «Чаша жизни» (1913) и др.)

Именно в русском крестьянстве в частности и в русском человеке вообще А.И. Бунина, с одной стороны, восхищали богатство природы, даровитость, игра воображения, наивность, а с другой – настораживали неразвитость сознания, стихийность чувств, неуравновешенность устойчивым культурным традициям. Во всём этом писатель видел необработанность личности и неопределённость, что свойственно в целом русскому характеру с присущим ему диалектизмом. Писатель с горечью отмечал смешение самых разнородных начал в народной жизни: от неудовлетворённости будничным и мечтательности, жажды подвигов, изменчивости настроения до безмерного терпения, доброты одних в противовес безмерному деспотизму вторых и своеволию третьих.

Художественное воплощение А.И. Буниным национального духа можно охарактеризовать как «пестроту русской души», одновременное вмещение и бунтарства, и кротости, и смирения, и нежности, и грубости, и бессердечности. Однако писатель не мог не восхищаться именно этой диалектикой души русского человека. Не удивительно, что после

путешествия по Волге в письме А.С. Черемнову он написал следующее: «опять всем нутром своим ощутил я эту самую Русь, <...> опять сильно чувствовал, как огромна, дика, пустынна, сложна, ужасна и хороша она» [17, с. 652].

Уже в начале XX века противопоставлялись друг другу и сравнивались две едва ли не противоположные национальные традиции, две сверхдержавы – Россия и США. Справедливо замечает С.В. Вальцев: «Запад – материалистически ориентированная и одновременно рационалистическая цивилизация. Россия же – уникальный антипод Запада. Русская цивилизация является одновременно антиматериалистически ориентированной и иррациональной цивилизацией» [18, с. 71-72]. В данном контексте определение «иррациональная цивилизация» следует понимать таким образом: для большинства русских характерно интуитивное познание действительности, пропущенное через духовную призму. Только так, а не логически, можно осознать себя и своё место в этом мире. Поэтому и большинство героев в русской литературе страдают не из-за борьбы с материалистическим устоем общества, а вследствие духовного конфликта между человеческими характерами, тогда как для героев американской литературы душевная болезнь из-за конфликта с другими личностями присуща в меньшей степени.

1.3.2. Отражение особенностей американского характера в творчестве

М. Твена, Т. Драйзера и Ф.С. Фицджеральда

«Образ американца так и дышит оптимизмом и жизнеутверждающей силой. Он уверен в своем успехе, стремится много работать для достижения поставленной цели, рассчитывает только на свои силы. <...> Дух самостоятельности пронизывает весь американский народ» [42, с. 68]. В этой связи выработался тип людей с железной волей и независимым характером,

именно поэтому такой тип характера, наряду с многими другими, нашёл отражение в американской литературе рубежа XIX-XX вв.

Если русская классическая литература больше стремилась к описанию внутреннего мира человека, изображению конфликтов характеров, «личности против личности» или «личности против общества», то в американской литературе акцент смещается на изображение борьбы человека с материалистическим миром Америки, на показе противостояния системе, погони за американской мечтой. Последнее положение особенно часто прослеживается в произведениях американских писателей, поскольку миф об «американской мечте» обуславливает функционирование американского общества, каждый гражданин которого может поверить в «...зелёный огонёк, свет невероятного будущего счастья, которое отодвигается с каждым годом» [4, с. 476].

В американской литературе создаются произведения, непосредственно связанные с темой «американской мечты»: «Американский претендент» (1892) М. Твена (1835-1910), «Американская трагедия» (1925) Т. Драйзера (1871-1945), «Великий Гэтсби» (1925) Ф.С. Фицджеральда (1896-1940), «Американская земля» (1931) Э. Колдуэлла (1903-1987), «Американская мечта» (1960) Э. Олби (1928-2016), «Американская мечта» (1964) Н. Мейлера (1923-2007), «Реквием по мечте» (1978) Х. Сэлби (1928-2004) и др. В исследуемом нами романе Дж. Лондона «Мартин Иден» проблема развенчивания мифа об американской мечте также находит своё отражение.

Магистральный сюжет американской литературы XIX века, который и в XX веке продолжал оставаться весьма актуальным, включил в себя несколько историй, образов и мотивов: «...во-первых, это бегство от цивилизации к природе, которое преломляется через образы детства и юности, во-вторых, это противостояние, а порой и сражение героя с целым миром, и, наконец, это история человека, который самостоятельно строит свою судьбу, история успеха, который со временем сменяется трагедией» [12, с. 144]. Одним из первых, кто стоял у истоков художественного

изображения трагической американской культуры, был Марк Твен, писатель, подаривший человечеству вечные образы мировой культуры – знаменитых подростков Тома и Гека из книг «Приключения Тома Сойера» (1876) и «Приключения Гекльберри Финна» (1884). В мальчиках, по наблюдению В.П. Балдицына, «воплотились непреходящая молодость и инфантилизм американского характера, его самодостаточность и умение использовать других, его умение приспособиться к обстоятельствам и неуёмное желание покорить мир. Их юность, сиротство и отчуждение от мира, их находчивость и предприимчивость, их богатство и успех – имели одновременно вполне реальное и метафорическое измерение» [12, с. 252].

В данном исследовании важно отметить первый увидевший свет роман М. Твена «Позолоченный век» (1873) («The Gilded Age: A Tale of To-Day»), давший название целой эпохе. Подзаголовок романа не мог не акцентировать внимание читателей и исследователей на актуальности написанной книги для того времени («Повесть наших дней»).

Основной мотив романа чрезвычайно злободневный и типично американский – освоение западных территорий. В монографии «Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы» (2004) В.П. Балдицын пишет: «В нём (в романе. – М.Х.) замечательно схвачено бурление тогдашней национальной жизни: как выразился Твен, «беспокойный дух нашего века и нашего народа» – всеобщее помешательство на деньгах и мечты о несметных богатствах, зуд предпринимательства и мошенничества, когда соседствовали реальные проекты и грандиозные аферы, когда единицы сколачивали несметные богатства, а многие тысячи людей разорялись» [12, с. 130].

Теодору Драйзеру принадлежит одно из главных художественных открытий в американской литературе: писатель на примере своих героев смог доказать, что причины возникновения проблем в стране кроются в национальном самосознании граждан, показал путь от «американской мечты» к «американской трагедии». Е.М. Фомина в диссертации «Ключевые

концепты художественного мира Теодора Драйзера на примере «Трилогии желаний» (2016) делает важное заключение: «Будучи верным традициям реализма, Драйзер не просто изображал характеры своих героев продуктом окружающей среды, а мотивы их поведения – социально обусловленными, но и убедительно высвечивал специфику американской ментальности, обусловившей своеобразие преломления социальных процессов, происходящих в его стране» [56, с. 50-51].

Преклонение перед культом богатства привело к трагической гибели персонажей Драйзера: героев романа «Американская трагедия» Клайда Гриффитса и «Трилогии желаний» («Финансист» (1912), «Титан» (1914), «Стоик» (1947)) Фрэнка Каупервуда. Так, произошедшая с Клайдом трагедия основывается на целом ряде неминуемых и случайных факторов, обусловленных, с одной стороны, его строгим воспитанием, с другой – молодостью и связанной с этим необузданности в желаниях, с третьей – положением в обществе. Все эти факторы сказывались на формировании типичного американского характера, неконтролируемость которого привела к трагическим последствиям. Для Драйзера естественным представлялся процесс борьбы за выживание человека в американской действительности, однако, несмотря на это, он считал важнейшей целью сохранение равновесия между прогрессом и моральным разложением, поскольку только в таком случае возможна гармония духовной природы личности.

Последователем Теодора Драйзера, развивающим традиции американской литературы, по праву считают Ф.С. Фицджеральда. Это объяснимо, поскольку для обоих писателей было свойственно критическое ощущение трагизма и катастрофичности американской жизни. У писателей было нечто общее в отношении к буржуазной Америке, каждый из них изложил свой вариант «американской трагедии», показав, что это не просто крах отдельно взятой личности, угодившей неблагоприятные условия, а трагедия всей Америки.

Сложное и двойственное отношение Фицджеральда к богатству было им перенесено на образ Гэтсби, что во многом напоминает отношение Драйзера к образу Каупервуда. Трудно не согласиться с тем, что «оба героя достигают успеха ценой собственных усилий, для обоих деньги – не самоцель, а лишь средство для реализации их дерзких желаний. Подобно тому, как Каупервуд становится стойким, убедившись в том, что деньги не способны принести ему счастье, Гэтсби, разбогатев, не обретает счастья, которое нельзя купить за деньги» [56, с. 71].

Джей Гэтсби стремился к воплощению «американской мечты», истинно веря, что у него появится возможность обрести счастье при помощи достатка и влияния. По замечанию С.С. Савинич, Гэтсби, подобно многим тысячам американцев, просто «слишком безрассудно пустился в погоню за своей мечтой, не задумываясь о моральной стороне своих действий. Этим и обуславливается трагическая развязка романа. Гэтсби сам создал свой идеал и сам выбрал способ его достижения. Поэтому, когда происходит крушение его идеала и его мечты, ему некого винить кроме себя самого. Так мечта оборачивается для Гэтсби трагедией» [50, с. 153].

Таким образом, творческое наследие писателей рубежа XIX-XX веков представляет огромную ценность как для читателей, так и для профессиональных филологов. Научный интерес последних может быть вызван уникальным для каждого литературного периода способом репрезентации национального характера. Являясь непосредственными свидетелями эпохи рубежа веков, каждый из писателей искусно описывает её реалии, поднимает проблему нетленных и преходящих ценностей, ставит во главу угла вопросы о человеческом самоопределении и месте личности как в узком, так и широком социально-культурном пространстве.

В плеяде мастеров слова, отмеченных нами ранее, важное место занимают Максим Горький и Джек Лондон. Будучи представителями разных культур, М. Горький и Дж. Лондон воссоздают русский и американский национальный колорит. Во многих произведениях прослеживаются пути

идентификации автора и литературного героя с той или иной национально-культурной и историко-социальной средой. В литературном наследии М. Горького и Дж. Лондона находят отражение культурные смыслы, позволяющие почувствовать межнациональный диалог культур и увидеть взаимосвязь национальных традиций, границы которых пересекаются друг с другом из-за универсальности человеческой природы вне зависимости от национальной принадлежности.

ГЛАВА 2. РОМАНЫ «ФОМА ГОРДЕЕВ» И «МАРТИН ИДЕН» В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2.1. Роман «Фома Гордеев» в зеркале современного отечественного литературоведения

В 1899 году в журнале «Жизнь» был опубликован роман М. Горького «Фома Гордеев» (с подзаголовком «повесть» и посвящением А.П. Чехову), получивший многочисленные отклики как в России, так и за рубежом.

В последнее десятилетие вышло немало диссертаций, посвящённых комплексному и частному анализу художественного наследия писателя: «Коммуникация как объект изображения в книге М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (2010) А.В. Маркович [41], «Нижний Новгород в раннем творчестве М. Горького» (2011) Н.Ю. Толмачёвой [53], «Метафорическая экспликация концепта *огонь* в аспекте лингвостилистического анализа художественного текста: на материале прозы М. Горького и И. Бунина» (2012) И.А. Поповой [48], «Структурно-семантические особенности диалогизма в романах Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (2013) О.А. Спирыгиной [51], «Изучение лейтмотивов произведений М. Горького как основа методики планирования монографической темы» (2014) Е.А. Усенко [55] и «Ромен Роллан и Максим Горький: историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам архива А.М. Горького)» (2020) М.А. Ариас-Вихиль [10]. Роману «Фома Гордеев» уделяется меньше внимания, чем другим произведениям автора. Однако это нисколько не умаляет достоинств произведения и оригинальности исследовательских работ, посвящённых ему. Представляется важным коротко охарактеризовать специфику современной рецепции романа «Фома Гордеев».

В статье Н.Ю. Толмачёвой «Образ города в повести М. Горького «Фома Гордеев» (2008) анализируется обусловленное местом действия психологическое поведение и мышление героев. Автор подчёркивает, что «Горький умышленно не называет место, где живут главные герои. Видимо, цель его состояла в том, чтобы создать обобщённый образ типичного волжского купеческого города конца XIX столетия» [54, с. 304]. В одном романе Горький изобразил не только купеческую среду, но и многие человеческие типы, душевное и духовное состояние которых находились в моральном кризисе на сломе эпох. Автор статьи в своём исследовании отталкивается от точки зрения самого писателя, ведь, «характеризуя социальные слои городского населения тех лет, Горький отметил, что подавляющим большинством было «племя мещан, проклятое племя «нормальных» [54, с. 304]. Именно «железные люди», те сильные мещане, у которых отношения в доме, по замечанию Н.Ю. Толмачёвой, опирались на домостроевские порядки, являлись, с одной стороны, держателями мира, а с другой – губителями свободы и человеческих душ.

В статье немало выводов, которые сводятся к одному: всеми зарисовками быта «Горький подчеркнул эту невыносимую, давящую атмосферу, царящую в среде купечества» [54, с. 305]. Особенно ярко это можно проиллюстрировать «показом мира вещей, обстановки комнат дома Игната Гордеева, где вся мебель как бы кричала о богатстве и власти хозяина и подавляла своим великолепием» [54, с. 305]. Такая подавляющая великолепием обстановка не могла не давить на Фому и не оказывать воздействие на психическое и психологическое формирование личности.

За пышной обстановкой скрывались скупые души прагматичных, властных, безразличных к людям и бедных духовно купцов и мещан. Так, например, при характеристике того, что обычно происходило в доме Софьи Медынской, автор подчёркивает: «Подавляли не только мебель и богатое убранство квартиры, но и фальшь человеческих отношений в этом доме. В таких салонах, как правило, помимо музицирования и каких-либо

настольных игр обсуждались все городские сплетни, завязывались знакомства и флирты» [54, с. 306]. Автор не отмечает Фому Гордеева в статье каким-либо особым образом, в данной исследовательской работе он находится на периферии. Единственными живыми, искренними героями, на которых городская среда не оказывала пагубного влияния, Н.Ю. Толмачёва считает рабочий народ: «Участники трудового процесса бодры и веселы, трудятся с азартом, ритмично» [54, с. 308]. Вывод сводится к следующему: образ города «в данном тексте является ключевым, организующим сюжетно-композиционную структуру повествования, заключающим рассказ о героях и событиях в «кольцо» [53, с. 19].

В статье В.А. Ханова «Архетипическая основа образа Якова Маякина в повести М. Горького «Фома Гордеев» (2012) подробно рассматривается образ крёстного Фомы. Автор полагает, что «исходным материалом для писателя являлась сама жизнь, но изображал и оценивал он её по фольклорно-мифологическим канонам» [58, с. 799]. В.А. Ханов подчёркивает, что «излишняя ритуальность Якова Маякина – признак неверия. Его святость – это ложная святость, за которой скрывается натура хищника» [58, с. 798]. Многие выводы делаются на основе подробной портретной характеристики. Так, например, исследователь особое внимание уделяет цвету волос Маякина, поскольку соотносит данную категорию с пониманием рыжего цвета в народной духовной культуре: «Однако у Горького семантика рыжего цвета наиболее близка к значению этого цвета в народной духовной культуре, где рыжий демонстрирует устойчивую связь с понятиями демонического, потустороннего, нечистого, испорченного» [58, с. 799]. Принимая во внимание тесную связь внешнего и духовно облика, В.А. Ханов делает вывод, что демонична не только внешность Маякина, но «его натура. <...> Как правило, Яков Маякин обращается к Библии с одной лишь целью: оправдать свои грехи» [58, с. 799].

Так «мифологический демонизм становится у Горького символом власти денег над людскими душами» [58, с. 800]. Не случайно Фома Гордеев,

обличая крёстного и ему подобных, восклицает: «Вы не жизнь строили – вы помойную яму сделали. <...> Есть у вас совесть? Помните вы бога? Пятак – ваш бог! А совесть вы прогнали» [1, с. 261]. Литературовед пишет: «Яков Маякин как воплощение греха и порока является «маяком» для купечества и в то же время – символом этого купечества» [58, с. 800]. И далее: «Восходя к демоническому архетипу, Яков Маякин символизирует у Горького безраздельную власть материального над человеческой душой» [58, с. 801].

Статья В.Г. Андреевой «Проблема соотношения точек зрения в повести М. Горького «Фома Гордеев» (2019) наиболее интересна и значима для нашего исследования, поскольку её тема во многом коррелирует с выбранным нами исследовательским кругом проблем, связанным в частности с мотивом одиночества, поиска себя и своего места в жизни. Автор полагает, что структурная целостность произведения, логика повествования поддерживается мотивными комплексами: «Мотив дела или труда, мотив одиночества, мотив обогащения и мотив поиска своего места в жизни лежат в основе сопоставления всех персонажей повести» [8, с. 132]. Благодаря особенному соотношению автора, рассказчика и героев романа, по мнению В.Г. Андреевой, «видна присущая творчеству Горького своеобразная мозаичность» [8, с. 133].

Автор полагает, что оригинальное соотношение всех точек зрения способствует тому, что мотив равнодушия становится не просто семантически значимым компонентом произведения, а даже «символом и приметой времени рубежа XIX-XX веков» [8, с. 133]. Нельзя не согласиться и с тем, что «несколько раз Горький использует чеховский приём иллюстрации глухоты людей, и два самых ярких проявления этого приёма реализованы писателем на примере взаимоотношений как будто бы любящих друг друга героев» [8, с. 133]. Сцены непонимания и равнодушия иллюстрируют не столько отсутствие настоящего чувства, сколько разрозненность сознаний людей.

Исследователь считает, что «полубезумство Фомы оказывается одним из немногих позитивно окрашенных состояний героя» [8, с. 134], в то время как остальные состояния и действия могут вызывать лишь осуждение и расцениваться как поступки слабовольного, запутавшегося, эгоистичного человека. В.Г. Андреева делает вывод, что ощущение несвоевременности прямого высказывания провокационных мыслей способствовало выбору именно такого способа изложения: «Иллюстрация разных точек зрения дала Горькому возможность не сообщать читателю своё мнение прямо, а позволить ему выбрать свою правду. <...> Кроме того, представление точек зрения персонажей очень логично стало частью становящегося синтетического художественного метода Горького» [8, с. 134].

Статья А.А. Эфендиевой «Проблема нового героя в повестях М. Горького «Фома Гордеев» и «Трое» (2019) представляет интерес ввиду того, что она была опубликована в русскоязычном и англоязычном изданиях [70]. Автор подчёркивает тотальное одиночество главного героя, бессмысленность бунта и нелепость восстания в одиночку против целого класса: «У Фомы не было ни опоры, ни сообщников, ни даже твёрдой почвы под ногами и жизненного, практического идеала в душе. Была у него всего лишь ненависть против мерзостей купеческого мира» [67, с. 99]. В статье А.А. Эфендиева подробно объясняет мотивы Фомы, что вынуждало его совершить те или иные действия. В большинстве своём борьба и характер Фомы «детерминированы морально, а не социально. Его борьба против купеческого мира обусловлена не жизненной, социальной необходимостью как борьба за существование, а нравственными требованиями души и человеческой природой героя» [67, с. 100].

Исследователь в ходе работы даёт ответ на вопрос о том, почему М. Горький противопоставил представителей одного класса: «Видимо потому, что писателю надо было показать не столько классовую, социальную, сколько нравственную ущербность и несостоятельность купечества. Классовый враг – это одно, а нравственный враг – это совсем

другое; купечество со своими принципами враждебно не только трудовому населению, а всему человеческому, всему нравственно здоровому началу» [67, с. 100]. Этот вывод позволяет глубже понять специфику психологии купеческого класса и чётче наметить пути дальнейшего исследования отдельных её представителей.

Если отцу Фомы, Игнату, было присуще многодушие, ведь он сам замечал, что в нём словно три разных личности, души живёт, то и Фоме Гордееву, по мнению исследователя, свойственна двойственность: «Сказочный мир Анфисы и реальный мир Игната создают в душе молодого Фомы сумятицу и дисгармонию. Что бы ни делал Фома – в его купеческих предприятиях, в его отношениях с женщинами, – везде он не может оставаться чистым прагматиком и дельцом, в его деятельность и взаимоотношения с людьми примешивается нравственное чувство» [67, с. 100]. Литературовед полагает, что «Горький хотел показать, что моральный облик его героя сформировался не на основе отвлечённых книжных знаний, современных теорий, а на основе именно реальной жизни и естественных склонностей человеческой природы» [67, с. 101]. В этом видится преимущество мироощущения героя, поскольку «душа Фомы не искажена и не испорчена какими-то посторонними, книжными, учёными влияниями. Его душа сохранила свою детскую чистоту и первозданную доброту, и как таковая она не приемлет всё, что творится вокруг героя» [67, с. 101]. В заключение автор статьи не может не отметить внешнюю обстановку, окружение, в которой происходят события. А.А. Эфендиева находит среду не просто местом действия, исследователь считает, что именно она «призвана определить не столько характер героя, сколько его волю к борьбе. <...> Законы этой среды, её принципы и понятия о справедливости противоречат нравственным принципам человеческой души» [67, с. 104].

К сожалению, на данном этапе исследования нами не было обнаружено научных работ в современном зарубежном литературоведении, посвящённых роману «Фома Гордеев». Для ВКР особое значение имеет статья Джека

Лондона «Фома Гордеев» – критический отзыв на одноимённый роман. Статья содержит не только серьёзную литературно-критическую характеристику самого романного текста, но и проницательные суждения о специфике творческого метода его автора.

Другой смежной статьёй, непосредственно объединяющей творчество М. Горького и Дж. Лондона, является статья И.Е. Луниной «Джек Лондон как литературный критик» (2016), в которой в краткой форме представлены основные положения литературно-критической статьи американского писателя. Подчёркивается, что подбор цитат из романа Горького «тенденциозен – подчинён основной задаче критика: представить анализ образа главного героя как определяющий проблемно-тематическую структуру произведения» [37]: «Зачем? – спрашивает он. – Это кошмар – не жизнь! К чему она? Что все это значит? А что там, внутри? И зачем оно, то, что там, внутри?» [3, с. 349]. В статье И.Е. Бабушкиной «О влиянии русской классики XIX века на американских писателей XX века» (2017) [11] также подчёркивается колоссальное влияние русской литературы, и в частности творчества Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и в большей степени М. Горького, на формирование писательской личности Дж. Лондона. Упоминается о том, что рецензия Лондона на роман Горького свидетельствовала о пристальном внимании к современному литературному процессу.

Роман «Фома Гордеев» оказал мощное художественно-эстетическое воздействие на американского писателя, отразившееся, прежде всего, на структуре его собственного романа «Мартин Иден», опубликованного спустя 8 лет после знакомства Лондона с указанным произведением Горького.

2.2. Исследовательские подходы к анализу проблематики и поэтики романа «Мартин Иден»

Творчество крупнейшего американского писателя Дж. Лондона подвергалось всестороннему комплексному исследованию на протяжении

всего XX века. Казалось бы, в сфере внимания отечественной филологической науки оказались самые разные аспекты художественного наследия писателя, между тем, по-прежнему сохраняется потребность в пересмотре (уточнении и дополнении) уже сложившихся подходов к изучению прозы писателя, а также в выявлении принципиально новых (как правило, междисциплинарных) ракурсов её рефлексии.

Становление творческой личности Дж. Лондона происходило под влиянием различных социологических, культурологических, психологических концепций. Однако наиболее мощное воздействие на писателя оказали идеи английского социолога, философа, родоначальника теории эволюционизма Герберта Спенсера (1820-1903) и немецкого филолога, философа, поэта Фридриха Ницше (1844-1900). Определение степени влияния идей названных мыслителей становится важной задачей работы С.Г. Вишленковой «Идеи Ф. Ницше в литературном сознании США конца XIX-начала XX вв.» (2001), а также статей Н.Э. Кутеевой «Полемика с ницшеанской идеей сверхчеловека в романе Джека Лондона «Мартин Иден» (2009) и «Полемика с позитивизмом в романе Джека Лондона «Мартин Иден» (2010) (в соавторстве с Е.А. Морозкиной).

В главе «Идеи Ницше у зрелого Д. Лондона» С.Г. Вишленкова подробно рассматривает этапы формирования мировоззрения писателя и преломление ницшеанских идей в его творчестве. Автор отмечает, что «Мартин Иден, как и многие другие герои романов Джека Лондона, не верит в Бога» [19, с. 112], и «в этом герой романа сходится с Ницше, для которого *идея Бога* (курсив автора. – М.Х.) является условием существования мира ценностей, когда последнему придаётся трансцендентный характер» [19, с. 112]. С.Г. Вишленкова, апеллируя к известному труду Ницше «По ту сторону добра и зла» (1885-1886), обнаруживает в романе «Мартин Иден» прямые отсылки к названному тексту, поскольку, как и Ницше, «герой романа, прекрасно знавший мораль людей своей среды и узнавший мораль

господствующей буржуазии, приходит к выводу, что всё это одна мораль, мораль стадных животных» [19, с. 110].

Как и во многочисленных работах о романе, в статье «Полемика с ницшеанской идеей сверхчеловека в романе Джека Лондона «Мартин Иден» актуализирована мысль о его автобиографичности. Однако в отличие, например, от В.Н. Богословского, связывающего причины жизненной трагедии Идена и Лондона с их вынужденным существованием в бюрократизированном буржуазном обществе, не принимающем творческую личность, Е.А. Морозкина и Н.Э. Кутеева констатируют, что состояние уныния, меланхолии, начинающейся депрессии формируется под воздействием как раз упомянутых теоретических концепций: «Трагедия героя, в основе которой лежит конфликт романтической личности и рациональных, антигуманных законов человеческого естества и общественного устройства, в определённом отношении была и личной трагедией Лондона. В «Мартине Идене» осмысление «естественных законов» жизни, описанных Спенсером, приобрело автобиографический, а потому – трагический оттенок. Лондон, как и его герой, одержал победу в «войне всех против всех», покинул «бездну», однако не обрёл в результате ни счастья в любви, ни идеала в искусстве, ни душевного покоя. Выиграв «все битвы», он проигрывает самое главное своё сражение – с судьбой и с самим собой» [44, с. 66].

По мнению Н.Э. Кутеевой, критически трактуя ницшеанскую теорию о сверхчеловеке, Лондон «демонстрирует бесперспективность индивидуалистического бунта личности. Он категорично ставит вопрос о возможности и невозможности присутствия сверхчеловека в реальном мире среди обычных людей. И столь же категорично Лондон отвечает на этот вопрос отрицательно, отвергая тезис Ницше, теоретически допускавшего существование сверхчеловека» [36, с. 91]. Завершая роман добровольным уходом Мартина Идена из жизни, писатель признаёт несостоятельность ключевых позиций учения Спенсера и Ницше.

Л.М. Цекова в работе, посвящённой социально-философским аспектам языка художественной прозы Дж. Лондона, («Социально-философские аспекты языка художественной прозы Дж. Лондона: «Железная пята», «Мартин Иден», рассказы», 2002), пишет: «...заявление Дж. Лондона о том, что он придал «Мартину Идену» весь свой собственный писательский опыт, нельзя признать справедливым полностью. Мартин Иден – художественный опыт, а не копия жизни автора. Не правы, по-видимому, и другие исследователи, заявлявшие о том, что «Мартин Иден» – это собственная автобиография Дж. Лондона» [62, с. 119]. Отчуждённость Идена и отчасти самого Лондона Л.М. Цекова связывает с неосуществимостью уже упоминавшихся ницшеанских идей. Читательская аудитория в США рубежа XIX-XX веков, замечает исследователь, восприняла трагический финал романа как вызывающий и одновременно как пророческий для самого Джека Лондона: «Трагический конец романа «Мартин Иден» в дни засилия буржуазных романов с типичными для них счастливым концом, утверждающим американский буржуазный уклад жизни, был вызывающим, революционным для эстетствующих, реакционных читателей и критиков Америки» [62, с. 132].

В труде Е.В. Костиной «Женская тема» в американском романе 1870-1910-х годов» (2003) имя Дж. Лондона упоминается в связи с его романами, репрезентирующими указанную тему: «Дочь снегов» (1902), «Железная пята» (1908), «Мартин Иден» (1909), «Маленькая хозяйка большого дома» (1916). Отметим, что подробному анализу подвергается образ Руфи Морз, которая, «как это ни парадоксально ... стала для Мартина Идена источником любви, сама и убила в нём эту любовь» [31, с. 98]. Е.В. Костина справедливо подчёркивает отсутствие эмоционально-чувственных изменений в образе героини, не сумевшей преодолеть буржуазные предрассудки даже ради любви. «...Образ Мартина Идена – единственный развивающийся в романе, все остальные персонажи статичны: их взгляды и вкусы неизменны и единственно правильны для них; если их отношение к Мартину и меняется

после того, как он завоевал широкую популярность, то это связано не с переоценкой его как личности, но, скорее, с чисто механическим переводом его из разряда «бездельников» в статус «успешного человека» [46, с. 259].

Осмысливая способы художественного воплощения «женской темы» в романе «Мартин Иден», автор обращается к образу ещё одной героини – Лиззи Конноли, девушки, сохранившей чуткость, восприимчивость, душевную теплоту. Согласимся с мнением Е.В. Костиной, замечаяющей, что, с одной стороны, для Джека Лондона было характерно поэтически возвышать таких сильных женщин, какими были Фрона Уэлз, героиня романа «Дочь снегов», и Эвис Эвергард, героиня романа «Железная пята», но, с другой стороны, он «с большой силой осуждения пишет о «сухой, догматичной и вечно боязливой Руфи Морз, отвергшей моряка из страха перед его «чрезмерным здоровьем и жизненной силой» [31, с. 99].

О.И. Чебан в одной из своих крупнейших работ, «Европейские художественные традиции и творчество Д. Лондона (1910-1916 гг.)» (2008), прослеживает литературно-эстетическую традицию, близкую художественному сознанию Дж. Лондона, воспроизводящую становление творческой личности, а также характеризует отдельные романы писателя (например, «Морской волк» и «Путешествие на Снарке») с точки зрения их существования в контексте маринистики.

В отличие от других исследований в данном труде не констатируется принципиальное значение автобиографического начала в романе «Мартин Иден». По мнению О.И. Чебан, «было бы неправомерно прямолинейно отождествлять героя и автора, полагая, что Мартин – alter ego писателя. Лондон – один из прототипов Мартина» [63, с. 121]. Лондон наделяет своего героя чертами, присущими самому писателю, поскольку «это позволило сделать роман художественно убедительным. <...> Но, безусловно, главное именно то, что Лондон верно запечатлел в Идене психологию творческой личности, занимающейся писательским трудом» [63, с. 121].

В переизданной и дополненной монографии И.Е. Луниной «Художественный мир Джека Лондона» (2018) роман «Мартин Иден» рассматривается в главе «Миф об «американской мечте» и пути развития США как локальной цивилизации в художественном мире Джека Лондона». Исследовательский акцент, поставленный в заглавии, с нашей точки зрения, вызывает наибольший интерес у современного читателя, поскольку в этом ракурсе роман изучается лишь в последние годы.

В автореферате диссертации «Художественный мир Джека Лондона: человек – природа – цивилизация» И.Е. Лунина отмечает, что «идейным и сюжетно-композиционным центром в романе выступает образ Мартина Идена, представленный в динамике внутренней жизни, а также с точки зрения повествователя-комментатора» [39, с. 29]. Автором проанализированы магистральные темы и проблемы, заявленные в романе: «судьба художника в обществе (мотив творческого, созидательного начала в жизни – механистичность жизни), дуалистичность в понимании идеала, успеха, стереотипное представление о понятии «американская мечта», мотив свободы / несвободы (в том числе творческой)» [39, с. 30]. В монографии исследователь справедливо замечает, что в романе «Мартин Иден» «американская мечта» «получает реалистическую трактовку, как и конфликт между мечтой и действительностью, трансформированный в художественном сознании Лондона в конфликт «американская мечта – творческое мышление, культура» [38, с. 231].

Обзорное представление наиболее значительных современных работ, посвящённых роману «Мартин Иден», может быть дополнен теми, в которых рассматривается вопрос о переводческой рецепции произведения. Основная часть подобных исследований содержит общие рассуждения об адекватности перевода романа на русский язык (назовём, например, статью М.М. Паршуковой «Особенности перевода романа Джека Лондона «Мартин Иден», 2017), однако есть работы, в которых содержится анализ специфики употребления и функционирования конкретных лингвистических единиц

(статья А.Ф. Хановой «Антонимы как средство достижения контраста в романе Д. Лондона «Мартин Иден», 2016). В первом источнике, помимо прочего, указано: «Как ни пытался переводчик максимально близко к оригиналу перевести роман на русский язык, лингвокультурные особенности и отличительные черты разносистемных языков наложили свой отпечаток» [47, с. 150]; и далее: «Перевод с максимальной точностью лишь исказил бы смысл текста, и тогда он был бы непонятен русскоязычному читателю» [47, с. 151].

А.Ф. Ханова приходит к выводу о том, что «в художественном произведении контраст используется писателем как средство создания образов героев и их противопоставления, речевой характеристики персонажей, воспроизведения разных типов жизни. Иными словами, контраст является одним из способов восприятия художником действительности, то есть способом художественного мышления автора» [59, с. 94].

В ходе работы нами были проанализированы и многие труды зарубежных исследователей творчества Дж. Лондона: «Джек Лондон как поэт рабочего класса» (1925) Ф. Юнга [68], «Джек Лондон: Человек, писатель, бунтарь» (1981) Р. Балтропа [13], «Моряк в седле: художественная биография Джека Лондона» (1987) И. Стоуна [52], «Иллюстрированная жизнь Джека Лондона» (1998) Р. Кингмана [28] и др. Большая часть работ написана в XX веке, однако ввиду своей полноты и глубины при исследовании проблематики произведений американского писателя и изложению основных вех его жизни, до сих пор остаются актуальными. Из работ XXI столетия мы хотели бы особо выделить книгу Э. Лэйбора «Джек Лондон» (2013) и сборник «Bloom's Modern Critical Views» (2011).

Первая книга представляет собой переиздание 1928 года с дополнительными материалами и уточнениями ранее неподтверждённых данных. О романе «Мартин Иден» сказано мало, однако и эти немногочисленные сведения могут быть использованы для уточнения и

расширения романной проблематики: Э. Лэйбор полагает, что «главный пункт романа – это обвинение рокового эгоцентричного индивидуализма главного героя, и этот момент был очень деликатным для Джека» [71, с. 306].

Книга «Bloom's Modern Critical Views» представляет собой сборник статей, анализирующих одни из самых известных произведений американского классика: роман «Морской волк», «Мартин Иден», автобиографическую повесть «Джон-Ячменное Зерно», повесть «Белый Клык», рассказ «Зов предков», «Мексиканец», «Когда мир был юным» и др. Роман «Мартин Иден» более подробно рассматривается в статье Д. Пайзера «Джек Лондон: проблема формы» (2011) («Jack London: The Problem of Form»). Автор акцентирует внимание на автобиографическом начале романа, уточняет причины самоубийства героя, анализирует взаимоотношения Мартина с Руфью Морз и сестрой, их взаимовлияние: «Например, сестра и зять Мартина иллюстрируют семейную верность и одновременно грубый материализм, в то время как семья Руфи олицетворяет мещанское самодовольство высшего класса» [69, с. 11]. Д. Пайзер называет произведение Дж. Лондона не романом, а параболой (в литературе 20 в. парабола — многозначное иносказание в прозе и драме [6, с. 717]), как в одном из писем назвал своё сочинение и сам Джек Лондон.

Несмотря на временную дистанцию (более чем в сто лет), наличие многочисленных литературоведческих и лингвистических исследований, литературно-критических откликов, читательских впечатлений, отражённых на разнообразных интернет-сайтах, рецепция романов М. Горького «Фома Гордеев» и Дж. Лондона «Мартин Иден» не является исчерпанной. По-прежнему пересматриваются научные подходы и ракурсы, подвергаются ревизии с учётом новых гуманитарных дискурсов оценки и суждения, что свидетельствует о непреходящей эстетической ценности романов классиков русской и американской литературы и об их востребованности современным читательским сознанием.

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНАХ М. ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ» И ДЖ. ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»

Творчество М. Горького и Дж. Лондона нередко становится объектом современных компаративистских исследований, устанавливающих биографические параллели (судьба Горького соотносится с судьбой Лондона), типологические связи в изображении человека и мира, влияние ницшеанских идей на эстетические взгляды писателей и др. Основанием для сравнительно-сопоставительного анализа отдельных произведений Горького и Лондона является и бесспорный интерес последнего к роману «Фома Гордеев», о чём свидетельствует одноимённая статья Лондона.

Одним из перспективных направлений изучения двух выдающихся романов мировой литературы, давно и безусловно признанных классическими, является, с нашей точки зрения, осмысление общих и различных (обусловленных национальной принадлежностью главных героев, их социальным происхождением, условиями воспитания и т.д.) идейно-нравственных ориентиров Фомы Гордеева и Мартина Идена.

3.1. Проблема поиска смысла жизни и его утраты

Фома Гордеев и Мартин Иден родились и выросли в разных социальных средах. Детские годы Идена не изображаются Лондоном, но, исходя из описываемых событий и учитывая автобиографическое начало романа, очевидно, что герой был рождён в рабочей семье и первоначально не имел возможности преодолеть социальный барьер: «Сам он работал с детства, кажется, даже первые воспоминания связаны с работой, и все его родные работали ради куска хлеба» [2, с. 39-40]. Фома Гордеев же был желанным долгожданным ребёнком в семье зажиточного купца, воспитывался до 7 лет у крёстного, вырос в мещанско-буржуазной среде.

Несмотря на различные условия воспитания и первичного формирования личности, в определённый момент и Фома Гордеев, и Мартин Иден переживают кризис, связанный с осознанием одиночества, неискренности и духовной ограниченности людей, составляющих высшее общество.

Фома Гордеев испытал щемящее чувство тоски и разочарования ещё в детстве, когда, будучи воодушевлённым сказками тётки Анфисы о сказочных городах, богатырях и чародеях, отправился в плавание с отцом. Вместо волшебных городов он увидел примитивные, похожие друг на друга поселения: «Чудесные царства не являлись пред ним. Но часто на берегах реки являлись города, совершенно такие же, как и тот, в котором жил Фома. Одни из них были побольше, другие – поменьше, но и люди, и дома, и церкви – всё в них было такое же, как в своём городе. Фома осматривал их с отцом, оставался недоволен ими и возвращался на пароход хмурый, усталый» [1, с. 25]. Отметим, что это детское разочарование станет одним из самых сильных и повлияет на мировидение Фомы Гордеева.

Герой равнодушен к чтению: «Я даже боюсь читать... Видел я – тут одна... хуже запой у неё это! И какой толк в книге? Один человек придумает что-нибудь, а другие читают... Коли любопытно, так ладно... Но чтобы учиться из книги, как жить, – это уж что-то несуразное! Ведь человек написал, не бог, а какие законы и примеры человек установить может сам для себя?» [1, с. 203-204]. Он стремится к познанию мира только экспериментальным путём, через наблюдение и непосредственное участие в жизни. Гордеев унаследовал от матери глубокую задумчивость, («Глаза у него невесёлые...» [1, с. 19], «...большоголовый, широкогрудый мальчик, казался старше своих лет и по росту и по серьёзному взгляду миндалевидных, тёмных глаз» [1, с. 17]), склонность к рефлексии, сопряжённой в зрелом возрасте с критическим взглядом на мир и жизнь: «– Вы сделали жизнь? – крикнул он. – Кто вы? Мошенники, грабители...» [1, с. 258].

В этом герое заключена «сила необоримая, но ещё лишённая сознания, не создавшая себе ясных желаний и целей... И отсутствие сознания в этой полусонной жизни кладёт на весь красивый простор её тени грусти» [1, с. 25]. На протяжении всей жизни Фома Гордеев так и не поставил перед собой чёткой цели, не прояснил жизненной позиции, не смог понять, к чему же следует стремиться. Даже располагая большим капиталом, имея унаследованное положение в обществе и власть, Фома Гордеев не достиг успеха. Ему не удалось устроить семейную жизнь: любить всей душой, преданно и беззаветно, его не научили, в нём жил лишь природный свободолюбивый дух, сдавливаемый тисками купеческого быта. Трагедия героя состояла ещё и в том, что «выламываясь» из своей социальной среды, он так и не смог продолжить дело отца и передал управление в руки более сильного и властного дельца, каким являлся Яков Маякин, его крёстный.

Гордеев сознаёт, что мещане и буржуазия «подстроили жизнь для себя» («Не жизнь вы сделали – тюрьму... Не порядок вы устроили – цепи на человека выковали... Душно, тесно, повернуться негде живой душе... Погибает человек!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпением человеческим вы живы?» [1, с. 257]), что власть находится в руках настоящих хозяев жизни, подобных Якову Маякину, и при этом остаётся пассивным наблюдателем. Его мысли, чувства и эмоции не облекаются в физически конкретную форму: Фома Гордеев не предпринимает никаких решительных действий, не борется с гнетущим его положением. Впоследствии это приведёт к бунту на пароходе, который закончится нервным срывом, повлекшим за собой сумасшествие, духовную гибель героя: «– Вы не жизнь строили – вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Есть у вас совесть? Помните вы бога? Пятак – ваш бог! А совесть вы прогнали... Куда вы её прогнали? Кровопийцы! Чужой силой живёте... чужими руками работаете! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших? И в аду вам, сволочам, места нет по заслугам вашим... Не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут. Веками не избудете мучений...» [1, с. 261].

Подчеркнём, что эта сцена – единственная в романе, столь выразительно передающая внутреннее состояние Гордеева, воспроизводящая его надлом, обречённость существования в мире, где царят нравственное оскудение, косность, алчность. Отец Фомы, Игнат Гордеев, так метафорически определит сущность людей, к которым принадлежит и его сын: «Иной человек вот так же, как сова днём, мечется в жизни... Ищет, ищет своего места, бьётся, бьётся, – только перья летят от него, а всё толку нет... Изобьётся, изболеет, облияет весь, да с размаха и ткнётся куда попало, лишь бы отдохнуть от маеты своей. Эх, беда таким людям – беда, брат!» [1, с. 50].

В статье, посвящённой роману Горького, Лондон справедливо заметит: «И так, недоумевая, раздумывая, терзаясь, теряясь в догадках, вертясь в бешеном водовороте жизни, кружась в пляске смерти, вслепую гоняясь за чем-то безымянным, смутным, в поисках магической формулы, сути вещей, сокровенного смысла, искры света в кромешной тьме – словом, разумного оправдания жизни, – Фома Гордеев идёт к безумию и смерти» [3, с. 351].

В отличие от героя Горького Мартин Иден, как и Джек Лондон, черпал знания о мире и жизни, о перипетиях человеческих взаимоотношений из книг, развивая свои интеллектуальные способности и в большей степени самостоятельно формируя своё мировоззрение через осмысление изложенных в книгах жизненных фактов. Любопытным представляется размышление Д. Пайзера о том, что «Лондон приспособливает один из главных импульсов автобиографии – придавать смысл своей жизни путём избирательного использования её материала – для создания моральной аллегории, тесно связанной с формой басни/притчи» [69, с. 11]. Из приведённой цитаты очевидно, что писатель (едва ли осознанно) расширил жанровую структуру классического романа, поскольку «Мартин Иден» может быть определён как роман, включающий элементы притчи с её аллегоричностью и непрямым морализаторством.

Если Фома Гордеев утрачивает иллюзии относительно своего окружения в раннем возрасте, то Мартин Иден, будучи уже состоявшимся

писателем, обманулся в высшем обществе, кажущемся благородным и духовным, а на самом деле являющемся лицемерным и безнравственным: «Он давно уже понял, что в детстве и юности ему мешало развиваться его окружение, а теперь осознал, что и Руфь была скована своим окружением. <...> Книги на полках в отцовском кабинете, картины на стенах, ноты на фортепьяно – всё это показное, всё мишура» [2, с. 257]. Трагедия Мартина Идена заключается в том, что он настойчиво и упорно следовал за «американской мечтой», не предполагая, каким разочарованием может обернуться её осуществление: «...его усилия стать писателем показывают, что достигнутый успех не так приятен, как кажется» [69, с. 11]. Это разочарование и обусловило самоубийство Мартина, «потому что у него не было веры вне его собственного бессмысленного успеха» [73, с. 11]. Результатом встречи и более близкого знакомства с семьёй Руфи Морз «является не лёгкий переход в другой социальный класс, а начало глубокого раскола личности» [74, с. 57].

Мартина Идена «привлекало не только отсутствие ... материальных потребностей, но и то, что они (семья Морз – М.Х.) одобряли его чувствительную, эстетическую сторону, которую до сих пор игнорировали. Тем не менее ему было неуютно: как бы он ни изменял свою речь или ни учился тонкостям буржуазного ухаживания, он считал себя ... подделкой» [74, с. 57-58]. Итак, герой Лондона признаёт ошибочность прежних убеждений: превосходство богатых и образованных теперь кажется мнимым, стремление к нему – ложным и бессмысленным. Как и Гордеев, Иден способен только констатировать безвыходность ситуации, но изменить её героям не удаётся, ведь «сильных людей мало ... общий уклад жизни определяется не их требованиями, а психикой малодушной и рабской толпы» [40, с. 640].

Ни Фома Гордеев, ни Мартин Иден не смогли по-настоящему бороться с той социальной средой, к которой первый принадлежал по праву рождения, а второй – благодаря колоссальным усилиям. Согласно логике авторского

замысла, оба героя – индивидуалисты, «обладающие огромным запасом сил, но не умеющие приложить эти силы к делу или, вернее, не могущие найти себе такого дела, которое бы их втянуло, удовлетворило вполне» [40, с. 248]. Если Фома Гордеев вообще не нашёл дела по душе, то «творческая лихорадка» увлекала Мартина Идена ровно до того момента, пока в нём жила вера в призрачный идеал. Дж. Лондон объяснил самоубийство героя следующим образом: «Будучи индивидуалистом, не зная потребностей других, всей человеческой коллективной потребности, Мартин Иден жил только для себя, боролся только за себя и, если угодно, умер только для себя. Он боролся за вхождение в буржуазные круги, где ожидал найти утончённость, культуру, высокую жизнь и высокое мышление. Он пробился в эти круги и был потрясён колоссальной, неприятной посредственностью буржуазии. Он боролся за женщину, которую любил и идеализировал. Он обнаружил, что любовь обманула его и подвела, и что он любил свою идеализацию больше, чем саму женщину. Это были вещи, за которые он считал жизнь стоящей того, чтобы бороться. Когда они подвели его, будучи последовательным индивидуалистом, не зная о коллективной человеческой потребности, не осталось ничего, за что можно было бы жить и бороться. И вот он умер» [72, с. 867].

Э. Лэйбор в книге «Джек Лондон» (2013) приводит небезынтересное высказывание юриста, политика и бизнесмена Лоррина Терстона, касающееся причины самоубийства Мартина Идена (Терстон состоял в переписке с Лондоном): «Если бы Мартин Иден вновь взял себя в руки, обнаружил, что в мире есть жизнь и надежда, а также смерть и отчаяние, и взялся за решение – по крайней мере, попытался решить – проблемы улучшения мира и его условий, история принесла бы некоторую пользу, предложив обескураженным душам, что есть что-то в жизни, ради чего стоит жить, и помогать себе, а также другим» [71, с. 305]. Заметим, что это суждение вполне справедливо и для характеристики судьбы Фомы Гордеева.

Две личности – Фома Гордеев и Мартин Иден, – несмотря на очевидные различия социальных, духовно-нравственных, интеллектуальных и иных условий формирования, объединены трагической судьбой. Их борьба с существующим жизненным укладом не могла бы принести успеха (да и была ли возможной?) вследствие как объективных, так и субъективных обстоятельств. К первым следует, прежде всего, отнести отсутствие поддержки со стороны других представителей их класса, ко вторым – субъективно-личностные установки и ценности Гордеева и Идена.

3.2. Мотив одиночества и его художественные функции

Многократное акцентирование внимания на отчуждённости, покинутости, разобщённости главных героев и социума в исследуемых романах позволяет говорить о том, что в них прослеживается мотив одиночества, который проявляется на разных уровнях текста: сюжетно-фабульном, уровне героев, уровне идей.

Само слово мотив, как известно, «восходит к латинскому глаголу *moveo* (двигаю) и <...> имеет весьма широкий диапазон смыслов: существует целый ряд теорий мотива, между собой далеко не всегда согласующихся» [57, с. 279]. Л.В. Гармаш отмечает: «Мотив, как структурно-семантическая единица, способная функционировать на разных уровнях художественного текста – идейно-тематическом, сюжетном, повествовательном, композиционном, пространственно-временном, персонажном и др. <...> Мотив тесно связан со многими другими литературоведческими понятиями, в первую очередь, с темой и идеей художественного произведения» [21, с. 10-11]. По мнению Б.Н. Путилова, «мотивы характеризуются повышенной, можно сказать исключительной степенью семиотичности. Каждый мотив обладает устойчивым набором значений, отчасти заложенных в нём генетически, отчасти явившихся в процессе долгой исторической жизни.

Одни значения лежат словно бы на поверхности, легко обнаруживают себя, другие спрятаны в глубине» [49, с. 84].

Исследование мотивного комплекса в произведении может быть затруднено ввиду одной из его главных особенностей – способности оказываться полуреализованным в тексте. Интересен случай, когда мотив или являет собой отдельное слово или словосочетание, варьируемое и повторяемое, или уходит в подтекст и наиболее чётко и полно выявляется при комплексном литературоведческом анализе. Мотив одиночества, включённый в структуру обоих романов, позволяет более глубоко посмотреть на внутренний мир героев, их взаимоотношения с окружающим миром и сделать вывод, что данный компонент текста является характерообразующим.

Одинокими в той или иной степени можно считать многих героев романов М. Горького и Дж. Лондона: Якова Маякина в его стремлении сделать и удержать дело, Любу, одинокую дочь амбициозного отца, Рэсса Бриссендена, поэта, чья жизнь оказалась оборванной, а талант – непонятым и непознанным, Джо, бродягу и, по мнению Мартина Идена, счастливого человека и других. Бесспорно, самыми одинокими и оторвавшимися от масс героями являются Фома Гордеев и Мартин Иден, первый из которых – чужой среди своих, а второй – чужой среди и своих, и чужих. Будучи представителями разных национальных культур, психологическое состояние каждого из них в условиях тотального одиночества находилось на разных уровнях и изменялось по-своему. Поскольку для русского и американского характеров типичны те или иные черты, представляется важным рассмотреть мотив одиночества в романах как специфический характерообразующий компонент, репрезентирующий поэтику национального характера.

Образ Фомы, по мнению Е.А. Кулешовой, «во многом создаётся автором ещё под влиянием романтизма. Он противопоставлен окружающим – другим купцам: глупым, нечестным, жаждущим денег; он одинок; совершает рыцарские поступки (даёт пощечину зятю губернатора, «человеку,

имеющему орден»). Он стоит выше подобных себе» [35, с. 148]. С малолетства видя несправедливость, угнетение свободы, принижение личности, моральный «котёл» Фомы взорвался, Фома достиг точки кипения и невозврата: бунт на теплоходе, не принесшим ему душевного облегчения и не приведший ни к каким результатам, стал апогеем его жизни и одиночества. Бунт одинокого правдеца оказался ничтожным перед мнимой правдой властителей и держателей мира.

Отец Фомы, Игнат, предостерегал сына от опасности одиночества: «Присматривайся, какие есть люди на земле... Один, без дружбы, не проживёшь...» [1, с. 40]. Игнат чувствовал себя одиноким без наследника, а не из-за каких-то моральных причин, которые могли бы поставить его против купеческого большинства. Эгоизм, присущий Игнату, передался и сыну, однако приобрёл иные отрицательные качества, которые в дальнейшем привели к отдалению от своего класса, одиночеству и умственному помешательству.

Фома с детства «начинал познавать прелесть одиночества и сладкую отраву мечтаний. Часто летними вечерами, когда всё на земле окрашивается в огненные, возбуждающие воображение краски заката, – в грудь его проникало смутное томление о чём-то непонятном ему» [1, с. 52]. Частое пребывание один на один с собой порождало «в нём жуткое чувство ожидания чего-то» [1, с. 20], что так и не смог найти герой в жизни: своего предназначения и места: «Эх! – тяжело вздохнул Фома, вставая с дивана. – Какая жизнь? Так что-то... несуразное... Живу один... ничего не понимаю... плюнуть на всё хочется и провалиться бы куда-нибудь! Бежать бы от всего... Тоска!» [1, с. 197].

Фома изначально стремился к одиночеству, несхожести с остальными, любыми способами демонстрировал независимость своих взглядов и суждений, показывал характер, который незримо был пронизан одним качеством – гордостью. Фома испытывал её за высказанные слова, за совершенные действия, за вольные мысли и взгляды, вероятно, даже в

некоторые моменты за своё одиночество: «Он чувствовал себя счастливым и гордым, если порой ему удавалось распорядиться за свой страх чем-нибудь в отцовском деле и заслужить одобрительную усмешку отца. В нём было много честолюбивого стремления – казаться взрослым и деловым человеком, но жил он одиноко, как раньше, и не чувствовал стремления иметь друзей» [1, с. 74]. Надеясь очернить всех и сразу на теплоходе, и тем самым, вероятнее всего, бессознательно возвысить своё «я», Фома потерпел крушение. Имя отца и его собственная гордость были окончательно уничтожены толпой буржуазных обывателей, на чьей стороне, по несправедливому стечению обстоятельств ввиду большего количества, была правда.

Фома ощущал свою нужность только при жизни отца, для которого он был смыслом жизни, самым дорогим человеком, в которого он вложил надежду на долгое существование рода Гордеевых. Особенно остро «чувство одиночества и тоска давили ему грудь» [1, с. 85] после смерти Игната, когда он оказался сиротой, последним представителем династии.

Одиночество в душе Фомы не могла затушить даже любовь. Настоящего сильного чувства Фома не испытывал, но даже в кратковременных отношениях душевная пустота не наполнялась взаимными чувствами, не происходило духовного единения. Фома не мог до конца осознать сущность человеческой жизни и противоречий его существования: «Несмотря на то что рядом с ним шёл человек, он чувствовал себя одиноким, потерявшимся во тьме. Она обнимала его и медленно влекла за собою, а он ощущал, как его тянет куда-то, и не имел желания остановить себя. Какая-то усталость мешала ему думать, в нём не было желания сопротивляться увещаниям спутника – и чего ради сопротивлялся бы он?..» [1, с. 142].

В отличие от Мартина Идена Фому Гордеева желание уйти от этой реальности посещало намного чаще: «Так жил Фома день за днём, лелея смутную надежду отойти куда-то на край жизни, вон из этой сутолоки» [1, с. 184]. Во всех размышлениях Фомы не содержится ни одной позитивно

окрашенной мысли. Будучи скептически настроенным, Фома не верил, что такому типу, как он, есть место среди счастливых людей, в кругу семьи и всего купеческого класса: «Ему не хотелось идти туда за стол, где сидят трое счастливых людей. Он слышал их весёлые голоса, довольный смех, звон посуды и понимал, что ему, с тяжестью на сердце, не место рядом с ними. И нигде ему нет места. Постояв одиноко среди комнаты, Фома решил уйти из дома, где люди радовались» [1, с. 231].

«И вот Фома остался один со связанными за спиной руками пред столом, покрытым грязной посудой и разными остатками пира. Порой он медленно открывал тяжёлые опухшие ресницы, и глаза его сквозь слёзы тускло и уныло смотрели на стол, где всё было опрокинуто, разрушено...» [1, с. 267] – именно такой, разрушенной, загубленной, одинокой и предстала перспектива дальнейшего существования Фомы в финале романа.

Мартин Иден совершенно иначе повёл себя в ситуации осознания неминуемого одиночества. Война Фомы Гордеева происходила с родным, кровным классом, тогда как Мартин Иден оказался в более затруднительном положении – между «новым» и «старым» миром, представителями интеллигенции и рабочего класса. Осознание своего фатального одиночества в мире, который он прежде считал идеальным, стало для Мартина непреодолимым испытанием. Его апатия была вызвана конфликтом романтической души с прагматичным, безжалостным миром материальных ценностей.

Различие в поведении объясняется в большей степени национальными особенностями. Русский человек всегда ощущал непознаваемость духовного мира других людей, и его душа часто в силу этого оставалась одинокой: «Однако свойство неуловимости, непознаваемости, загадочности всегда приписывалось русскому характеру как национально выраженное» [26, с. 21]. Для американской действительности типично индивидуальное одиночество, ведь в стране возможностей почти каждый, кто хочет добиться успешной

жизни, вынужден полагаться на собственные силы и взбираться по карьерной лестнице в одиночку.

Мартин осознал своё положение и увидел реальную, а не романтическую действительность. Лондон отмечает незаурядность и выдающиеся духовные потенции героя, которые он до конца так и не реализовал и не осознал: «Ведь он не знал, что сам обладает выдающимся умом, не знал также, что гостиные всевозможных Морзов не то место, где можно встретить людей, доискивающих до глубин, задумывающихся над основными законами бытия; и не подозревал, что люди эти – точно одинокие орлы, одиноко парят в лазурной небесной выси над землей, обременённой толпами, чей удел – стадное существование» [2, с. 246].

На пути к исполнению своей мечты Мартину пришлось отказаться от многих привычек, однако в определённые моменты он не находил ничего иного, кроме как снова обратиться к старому. Руфь отучила Мартина чрезмерно курить, но, будучи долгое время один на один с собой, Иден снова брался за пагубную привычку:

«– Ничего не чувствую, разве что застоявшийся табачный дым, – сказал он.

– Вот-вот. Это ужас. Почему ты так много куришь, Мартин?

– Не знаю, пожалуй, больше обычного курю, когда мне одиноко» [2, с. 225].

Также герой стал вести более размеренное существование, исключил питейные заведения и алкоголь, привлекавшие его в той далёкой матросской жизни. Однако новые принципы не избавили Мартина от желания оказаться в барах, шумных и многолюдных местах, ведь в кругу людей, которые в полубессознательном состоянии ведут себя более искренне и открыто, чем представители интеллигенции с их вечными манерами общения, герой чувствовал себя менее одиноким и подавленным: «Он, Мартин, одинок – вот в чём беда, вот почему он ухватился за приглашение, как хватает приманку – любую, самую ничтожную – хищная рыба. <...> Усталость ума не вызывает

такого острого желания выпить, как усталость физическая, и обычно Мартина не тянуло к спиртному. Но как раз сейчас выпить хотелось, вернее, хотелось оказаться там, где шумно и людно, где подают спиртное и пьют» [2, с. 279-280].

В финале романа мотив одиночества пронизывает все слои повествования. Ощущение ненужности было знакомо Мартину и раньше, однако оно казалось кратковременным: например, после разговора с женихом сестры («Мартин отнесся к этому (вопросу. – М.Х.) философски, не дал волю гневу, удивленно и насмешливо присвистнул и повесил трубку. Но потом ему стало не до смеха, всей тяжестью навалилось одиночество. Никто его не понимает, никому он, видно, не нужен, кроме Бриссендена, а Бриссенден исчез неведомо куда» [2, с. 304]) или во время хандры («Но весёлость угасла, и его обдало холодом безмерного одиночества. Эта его сестра и гостиная Морзов – вехи на дороге, по которой он идёт. И он оставил их позади. Он с нежностью оглядел немногие свои книги. Только они ему и остались, единственные его друзья» [2, с. 263]). В финале мотив одиночества трансформируется и постепенно срастается с мотивом смерти: «И пришёл день, когда Мартину стало одиноко. Вот он здоров, полон сил, а делать ему нечего. Писать и заниматься он перестал, Бриссенден умер, Руфь для него потеряна, и в жизни зияет пустота, а просто жить безбедно, похаживать в кафе да покуривать «Египетские» сигареты – не для него это» [2, с. 356]. И вся проблема заключается не в физической слабости, ведь «тело у него в порядке. Неладно с «мыслительной машинкой», и тут одно лечение – отправиться в Южные моря» [2, с. 405]. Самоубийство Мартин также совершил не в состоянии аффекта, а во время душевного успокоения, наступившего от осознания одиночества, покинутости и принятия решения побороть его незаконным способом: раствориться в бесконечности, погибнув в глубинах океана.

К сожалению, читателям не известна участь литературного наследия Мартина Идена после его ухода. Будучи одиноким как простой живой

человек, он был не один как писатель, ведь помимо издательств, которые зарабатывали на его сочинительстве, он стал близок тысячам читателям, любовь и признание которых, однако, не смогли сохранить ему жизнь. Его душа окаменела после развенчивания всех идеалов. Именно эти психологические установки, блоки («я одинок», «жизнь – обман», «любовь – предательство», «идеалы – иллюзия») подтолкнули его принять роковое решение о самоубийстве, потянули на дно, чтобы затопить томящую боль одиночества, которую Фома Гордеев дозированно ощущал всю жизнь. Если после Мартина Идена остались хотя бы его произведения, книги, то у Фомы Гордеева не осталось никакого наследия, произошло вымирание рода, который так хотел сохранить Игнат Гордеев.

Эгоизм, едва ли не доходящий до состояния крайнего индивидуализма, погубили и Фому, и Мартина, внимание которых, в первую очередь, было обращено на своё душевное состояние, а психология и духовный склад остальных с учётом их социальных, классовых, поведенческих особенностей мало или вовсе не учитывался. В итоге разрушенными оказались жизни духовно крепких людей, одиночек по натуре и поневоле. Фома сам создал вокруг себя одиночество, сам выбрал путь намеренного противостояния своему классу. Мартин Иден стал одиночкой вследствие погони за своей мечтой, недостижимым идеалом, который при ближайшем рассмотрении оказался фикцией. Обоим героям присущ отчасти наивный взгляд на течение жизни, поскольку претензии одного человека и его попытки изменить или повлиять на ход вещей собственными силами и, самое главное, только словами, а не действием, изначально обречены на поражение.

3.3. «Русское» и «американское» в романах «Фома Гордеев» и «Мартин Иден»

В романах представлены два характера, два человеческих типа: «русский» и «американец». С этими определениями у каждого человека

связаны те или иные ассоциации, сформированы определённые стереотипы, которые прочно укрепились в сознании и переходят из поколения в поколение. Название романов ориентируют нас на то, что главные герои, с одной стороны, являются типичными представителями своей культурной национальной среды, а с другой – каждый из них индивидуальность с присущими только ему чертами характера, которые, однако, не превалируют над национальными.

Противопоставление «материальное – духовное» как отражение доминирующих черт американского и русского характеров представлены в образах Фомы Гордеева и Мартина Идена. Несмотря на общую психологическую и эмоциональную близость героев, при создании их образов писатели по-разному расставляли приоритеты: «...художник осознанно делает акценты, которые определённым образом стилистически оформленные выражают его культурную принадлежность. Это то, что можно назвать манифестацией идентичности, откровенной рефлексии вокруг той или иной проблемы в определённой системе образов» [43, с. 34]. Как представителю американской культуры Мартину Идену не суждено существовать в отрыве от материального. Так или иначе Джек Лондон акцентировал внимание то на вопросе статуса в обществе, то на «квартирном», то, например, на финансовом: «Надо запастись для следующей атаки на редакторов. Деньги – ресурсы войны, в моём случае деньги и терпение» [2, с. 162], «И никак не обеспечен. Ни положения, ни жалованья. <...> Боюсь, Мартин Иден никогда не научится зарабатывать деньги. А для счастья деньги необходимы, так устроен наш мир...» [2, с. 167]. При изображении Фомы Гордеева акценты расставлены иначе. Для Максима Горького важно было показать в герое не внешнее, а внутреннее. В романе большое значение имеют внутренние терзания героя, которые были связаны с какими-либо материальными заботами лишь косвенно. Все его страдания и муки были о духовном, о душевном: «Для русского человека характер лишь внешнее отражение тех внутренних импульсов, которые

испускает его душа, некая материальная субстанция, позволяющая выйти на более высокий уровень контактов с действительностью – духовный» [26, с. 53]. «Мартин Иден» – роман о материально-духовных страданиях, тогда как «Фома Гордеев» – о духовно-материальных.

На мастерство в изображении русского характера указывал сам Дж. Лондон в критической статье на роман М. Горького: «“Фома Гордеев” – большая книга; в ней не только простор России, но и широта жизни. <...> В «Фоме Гордееве» свой голос подымает русский, ибо Горький – подлинно русский в своём восприятии и понимании жизни. Характерные для русских самонаблюдение и углубленный самоанализ свойственны и ему. И, как у всех русских собратьев Горького, его творчество насыщено горячим, страстным протестом» [3, с. 348]. Создав целую галерею русских характеров, М. Горький смог в Фоме Гордееве объединить черты каждого из них. Именно поэтому его образ получился сложным, многогранным, противоречивым и непонятым до конца, каким является и русский характер в целом.

Фома предстаёт в романе заблудившимся человеком, не знающим, чем себя занять, как помочь людям и, в первую очередь, самому себе, что в финале привело к моральному опустошению и духовной смерти: «Я пропал... знаю! Только – не от вашей силы... а от своей слабости... да! <...> Я пропал – от слепоты... Я увидел много и ослеп... Как сова... Мальчишкой, помню... гонял я сову в овраге... она полетит и треснется обо что-нибудь... Солнце ослепило её... Избилась вся и – пропала... [1, с. 266]. Отец Фомы, Игнат Гордеев, был человеком дела, тем, кто смог завоевать себе положение в обществе, смог найти своё место и предназначение. После смерти отца у Фомы не нашлось ни сил, ни желания продолжать его дело. Отчасти в его поведении проявляются типичные черты русского человека, которому, согласно стереотипам, чрезмерно свойственны лень и полагание на случай. Фома Гордеев мог бы удержать дело отца, мог бы стать тем, кем бы его хотел видеть Игнат – достойным наследником семейного дела. Однако мы наблюдаем некую инертность героя, пассивность. Герой много думает и

говорит, но никак не претворяет это в жизнь и не применяет на практике. «...Недоумевающая, раздумывающая, терзающаяся, теряющаяся в догадках, вертящаяся в бешеном водовороте жизни, <...> Фома Гордеев идёт к безумию и смерти» [3, с. 351], – справедливо заметил Дж. Лондон, размышляя над поиском героем смысла жизни и оправдания своего существования.

Мартин Иден выступает в этом отношении полной противоположностью Фоме Гордееву. Он человек дела, «a self-made man», как и Игнат Гордеев. Типичным является представление о деловитом характере американцев, о стране «трезвого расчёта, холодной деловитости и жестокой пригнанности друг к другу все «колёсиков» и «винтиков», из которых «собраны» Соединённые Штаты Америки» [15, с. 3]. На протяжении всего романа перед нами предстаёт образ интеллектуального дельца, который поставил себе цель и последовательно к ней идёт.

В некоторых эпизодах целеустремлённость Мартина можно сравнить с безумным упрямством, в котором заложена, однако, огромная сила воли. У Фомы не было самодисциплины, которой обладал Мартин Иден: «За три дня, работая как бешеный, он закончил повествование» [2, с. 80], «весь день лихорадочно писал» [2, с. 89], «Он писал много, усердно, с утра до вечера, до поздней ночи, отрывался, лишь чтобы войти в читальню, в библиотеку за книгами или к Руфи. Он был поистине счастлив» [2, с. 95]. Мы понимаем, что Мартину необходимо было это делать, поскольку в изнурительной интеллектуальной работе и писательской деятельности он видел единственный выход из своего бедственного положения. В этом отношении Фома представляет собой абсолютно «неамериканский» тип, он не способен принудить себя к какой-то деятельности, особенно к умственной, в которой он не видел надобности: «Я даже боюсь читать... <...> И какой толк в книге? Один человек придумает что-нибудь, а другие читают... Коли любопытно, так ладно... Но чтобы учиться из книги, как жить, – это уж что-то несуразное!» [1, с. 203-204]). Вероятно, условия американской действительности диктуют свои правила, следовать которым обязан каждый

желающий достойно жить в этом обществе, однако для нашей культуры свойственно другое: «Русская словесность пошла по пути познания души русского человека, а не его характера. Она сосредоточилась на изображении национальной рефлексии, а не национального действия» [26, с. 27].

У каждого героя своя национальная трагедия. Мартин Иден становится заложником «американской мечты» как национального мифа. Мечта в начале пути была для героя стимулом к действию и развитию, но в финале стала причиной морального опустошения и разочарования, повлекшего за собой самоубийство. Тысячи американцев, подобных Мартину Идену, для достижения целей «подавляют в себе личность, отказываясь от своего происхождения, терзаемые внутренними противоречиями, ради осуществления «американской мечты» в том варианте, в котором они её представляют себе, что может в итоге привести их к гибели» [30, с. 26]. Разочарование и духовная смерть Фомы Гордеева были его предрасположенностью из-за единства наследственных и собственно приобретённых черт характера. Ещё от матери тянется к Фоме нить непознанной тоски, глубокой задумчивости о вещах далёких и туманных: «всегда она думала о чём-то, и в голубых её глазах, холодно спокойных, порой сверкало что-то тёмное, нелюдимое» [1, с. 9]. Если у представителя Запада жизненный центр (при все глубине душевных качеств некоторых личностей) находится в голове, заключён в разуме, то у русского человека – в сердце, в душе. В одном только взгляде можно увидеть внутренний мир человека и испытываемые им чувства. В романе Горького несколько раз акцентируется внимание на глазах героя: он «казался старше своих лет и по росту и по серьёзному взгляду миндалевидных, тёмных глаз [1, с. 17], «Глаза у него невесёлые...» [1, с. 19], «Однако – все живут, шумят, а я только глазами хлопаю... Мать, что ли, меня бесчувственностью наградила?» [1, с. 174] «– Цыц! – взревел Фома, и глаза у него налились кровью» [1, с. 275].

Несмотря на преобладание в характерах героев национальных черт, в них заложены общечеловеческие константы, духовные и душевные

универсалии, объединяющие вне зависимости от возраста и национальности глубоко мыслящих и чувствующих людей. Фома Гордеев и Мартин Иден сошлись в одном: в безграничной вере в себя и свой лже-идеал и в глубокой тоске и разочаровании из-за несбывшихся надежд и ожиданий.

Эпистолярное наследие обоих писателей велико и весьма разнородно. Так Джек Лондон вступил в полемику с преподобным Чарльзом Брауном. В открытом письме писатель заметил: «Мартин Иден потерпел неудачу и умер ... не из-за отсутствия веры в Бога, а из-за отсутствия веры в человека. Даже Мистер Браун согласится, что он не может добраться до Бога, кроме как через человека. Мартин Иден потерпел неудачу, потому что не добрался даже до него. Он добрался только до самого себя, а остальное человечество не в счёт» [72, с. 865]. Эта мысль справедлива и для Фомы Гордеева. Он постоянно размышлял про себя, полагал, что так, как он, должно начать мыслить и всё его окружение. Обоим героям свойственен эгоизм, который во многом определил характер их взаимоотношения с обществом. Являясь носителями типичных черт национального характера, они одновременно слишком отличались своей индивидуальностью, доходившей до крайнего индивидуализма: «Это ненависть, иначе не назовёшь, ко всяким социальным опорам. В них присутствует фатальное стремление к сжиганию мостов, что соединяют их со своей средой. Они не имеют с миром прочной и надёжной связи и как бы выпадают в социальный осадок [14, с. 162].

Герои бросили вызов обществу, но пострадали сами. Восстание против русской и американской действительности для Фомы и Мартина было обречено на поражение. Руководимые мнимым идеалом, они не осознавали, что в одиночку невозможно изменить течение жизни родной национально-культурной среды. «Нового рая он не обрёл, но теперь нет возврата и к старому» [2, с. 408], – в этих словах заключена главная трагедия Фомы Гордеева и Мартина Идена, противостояние национального и индивидуального характеров которых послужило причиной тяжёлого

внутриличностного конфликта, повлекшего за собой, с одной стороны, духовную гибель, а с другой – физическую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Максима Горького и Джека Лондона, безусловно, представляет интерес как для профессиональных филологов, так и для читателей.

Первый этап исследования предполагал аналитическое обобщение и теоретическое обоснование современных научных подходов к исследованию национального характера. Было установлено, что приоритетными на сегодняшний день являются социологический, культурно-нормативный, или ценностный, литературоведческий подходы, многообразно, специфически описывающие сущность национального характера и принципы его экспликации. Для выпускной квалификационной работы наиболее актуальным оказался литературоведческий подход, поскольку, как было установлено, он может вбирать в себя элементы социологического и культурно-нормативного.

Это позволило дифференцировать термины «национальный характер», «менталитет», «национальная идентичность», теоретически их обосновать и прийти к заключению о том, что на условно низшем уровне располагается *национальная идентичность*, поскольку она характеризует личность с точки зрения соотнесённости с какой-либо одной национально-культурной традицией. Далее на уровне *менталитета* происходит включение отдельного индивида в какую-либо общность с близкими ему установками, осуществляется переход от индивидуального самоопределения к коллективному сознанию. В *национальном характере* находят своё отражение черты, свойственные всем различным социальным общностям и каждой отдельно взятой личности. Именно национальный характер является закрепляющим звеном в пирамиде человеческих взаимоотношений. Таким образом, термины соотносятся по схеме национальная идентичность → менталитет → национальный характер.

Второй этап работы предполагал пристальное изучение современных отечественных и зарубежных исследований, посвящённых творчеству писателей в целом и романам «Фома Гордеев» и «Мартин Иден» в частности. Были охарактеризованы концептуальные аспекты изучения романов, выявлены принципиально новые ракурсы их рецепции, сформировавшиеся в первые два десятилетия XXI века.

Установлено, что роман «Фома Гордеев» привлекал внимание литературоведов в меньшей степени, чем другие произведения Горького. В ряде наиболее крупных работ отмечались архетипичность творческого мышления писателя; феномен многоголосия, позволяющий Горькому создать галерею стереоскопических персонажей; предпринимались попытки поставить и решить проблему нового типа героя в творчестве писателя, осмыслить нравственные и социальные пути его формирования и т.д.

В выпускной квалификационной работе констатируется, что роман «Мартин Иден» рассматривается современными учёными с точки зрения влияния на его идеологию, индивидуально-авторскую концепцию мира и человека отдельных тезисов Г. Спенсера и Ф. Ницше, а суждение о несомненной автобиографичности произведения, идентичности судьбы писателя и героя подвергается сомнению.

На завершающем этапе был осуществлён компаративный анализ романов с целью изучения психологии героев как носителей национального характера, их поведенческих особенностей, мотивации, описаны факторы формирования каждого из них: национальная принадлежность, социальное происхождение, условия воспитания, уровень образования и т.д. Рассмотрены идейно-нравственные ориентиры Гордеева и Идена, обусловленные как вышеуказанными факторами, так и субъективно-личностными установками, ценностями. На основе проведённого исследования констатированы обречённость героев на трагический исход жизни, изначальная (заложенная авторами) недостижимость личного счастья,

невозможность обретения смысла бытия, осознания своего предназначения и вследствие этого – разочарованность и внутренняя опустошённость.

Таким образом, цель работы достигнута, её основные задачи решены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I

1. Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Фома Гордеев; Дело Артамоновых: повести. – М.: Известия, 1982. – С. 5-269.
2. Лондон Дж. Мартин Иден / пер. с англ. Р. Облонской. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 416 с.
3. Лондон Дж. Фома Гордеев // Лондон Дж. Собр. соч.: в 13 т. – Т.5. – М.: Правда, 1976. – С. 348-352.
4. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби / пер. с англ. Е. Калашниковой // Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби: романы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 303-476.

II

5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – Т.2: М-Я. – С. 1044-1904.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
7. Терминологический словарь по культурологии / сост. В.Л. Бенин, Е.Д. Жукова. – М.: Изд-во Флинта, 2017. – 743 с.

III

8. Андреева В.Г. Проблема соотношения точек зрения в повести М. Горького «Фома Гордеев» // Филологический класс. – 2019. – №1(55). – С. 130-135.
9. Анисимова Н.Н. Национальный характер в структуре идентичности // Гуманитарий Юга России. – 2019. – №3. – С. 125-132.
10. Ариас-Вихиль М.А. Ромен Роллан и Максим Горький: историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам архива А.М. Горького): автореф. дисс. ... д. филол. н. – М., 2020. – 35 с.

11. Бабушкина И.Е. О влиянии русской классики XIX века на американских писателей XX века // Вестник БГУ. – 2017. – №1(31). – С. 158-174.
12. Балдицын В.П. Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. – М.: ВК, 2004. – 300 с.
13. Балтроп Р. Джек Лондон: Человек, писатель, бунтарь / пер. с англ. Г. Анджапаридзе. – М.: Прогресс, 1981. – 208 с.
14. Басинский П.В. Горький. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 451 с.
15. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта: монография. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 384 с.
16. Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 318 с.
17. Бунин И.А. Из переписки с А.С. Черемновым 1912-1917 // Литературное наследство. – 1973. – Т. 84. – С. 639-658.
18. Вальцев С.В. Российский менталитет и психотип как контртип американских менталитета и психотипа // Проблемы Науки. – 2012. – №4(4). – С. 71-76.
19. Вишленкова С.Г. Идеи Ф. Ницше в литературном сознании США конца XIX-начала XX вв.: дисс. ... к. филол. н. – Саранск, 2001. – 221 с.
20. Волкова Е.А. Национальный менталитет как фактор межкультурной коммуникации // Вестник МГИМО. – 2015. – №1(40). – С. 249-253.
21. Гармаш Л.В. Теория мотива в литературоведении // Наукові записки ХНПГУ ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. – 2014. – С.10-23.
22. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. – М.: Советский писатель, 1988. – 445 с.

23. Горохова А.М. Репрезентация британского национального характера в паремиологическом фонде английского языка: дисс. ... к. филол. н. – Нижний Новгород, 2017. – 204 с.
24. Грушевицкая Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 12-2(54). – С. 137-139.
25. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – С. 37-301.
26. Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 303 с.
27. Ильина С.А. «Авось» как характеристика русской ментальности в творчестве А.И. Куприна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1(5): в 2-х ч. – Ч.1. – С. 136-138.
28. Кингман Р. Иллюстрированная жизнь Джека Лондона / пер. с англ. В.М. Быкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 367 с.
29. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
30. Коршунова Е.С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2017. – №4. – С. 22-27.
31. Костина Е.В. «Женская тема» в американском романе 1870-1910-х годов: дисс. ... к. филол. н. – Саранск, 2003. – 194 с.
32. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – №2. – С. 144-162.
33. Красильникова О.С. Познавательные возможности категории «национальный характер» в культурологии // Социогуманитарный вестник

Кемеровского института (филиала) ГОУ Российский государственный торгово-экономический университет. – 2010. – № 4. – С. 81-83.

34. Кулагин С.А. Проблема национальной идентичности в прозе А.И. Куприна: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Тамбов, 2009. – 24 с.

35. Кулешова Е.А. Образ предпринимателя в повести А. М. Горького «Фома Гордеев» // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы III Всерос. науч. конф., 29 июня-1 июля 2012 г., Барнаул. – Барнаул: АКИПКРО. – Т.1. – 2012. – С. 146-151.

36. Кутеева Н.Э. Полемика с ницшеанской идеей сверхчеловека в романе Джека Лондона «Мартин Иден» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №7(188). Филология. Искусствоведение. – Вып. 41. – С. 86-91.

37. Лунина И.Е. Джек Лондон как литературный критик // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2016. – №2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/750>. – (дата обращения: 29.05.2020).

38. Лунина И.Е. Художественный мир Джека Лондона: монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – 326 с.

39. Лунина И.Е. Художественный мир Джека Лондона: человек – природа – цивилизация: автореф. дисс. ... д. филол. н. – М., 2010. – 42 с.

40. Максим Горький: pro et contra. / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю.В. Зобнина. – СПб.: РХГИ, 1997. – 896 с.

41. Маркович А.В. Коммуникация как объект изображения в книге М. Горького «Жизнь Клим Самгина»: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Владивосток, 2010. – 24 с.

42. Матвеева Е.М. Американский характер глазами русских в начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2012. – №35. – С. 64-75.

43. Миронов Д.Д. Репрезентация и её особенности в художественной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2016. – №.1 (26). – С. 31-34.
44. Морозкина Е.А., Кутеева Н.Э. Poleмика с позитивизмом в романе Джека Лондона «Мартин Иден» // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т.15. – № 1. – С.64-66.
45. Мухамед Т.В. Национальный характер как культурная универсалия // Вестник МГУКИ. – 2012. – №6(50). – С. 108-111.
46. Осьмухина О.Ю, Танасейчук А.Б. Трагедия художника в романе Дж. Лондона «Мартин Иден» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №11-2(89). – С. 258-262.
47. Паршукова М.М. Особенности перевода романа Джека Лондона «Мартин Иден» // Успехи современной науки. – 2017. – Т.3. – №3. – С. 150-152.
48. Попова И.А. Метафорическая экспликация концепта *огонь* в аспекте лингвостилистического анализа художественного текста: на материале прозы М. Горького и И. Бунина: автореф. дисс. ... к. филол. н. – М., 2012. – 23 с.
49. Путилов Б.Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. – СПб.: Наука, 1992. – С. 74-86.
50. Савинич С.С. Роман Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»: парадоксы Американской мечты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – Вып. 4. – С. 150-154.
51. Спирягина О.А. Структурно-семантические особенности диалогизма в романах Ф.М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Казань, 2013. – 22 с.
52. Стоун И. Моряк в седле: Художественная биография Джека Лондона / пер. с англ. М.И. Кан. – М.: Книга, 1987. – 272 с.

53. Толмачёва Н.Ю. Нижний Новгород в раннем творчестве М. Горького: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Нижний Новгород, 2011. – 23 с.
54. Толмачёва Н.Ю. Образ города в повести М. Горького «Фома Гордеев» // Вестник ННГУ. – 2008. – №5. – С. 304-309.
55. Усенко Е.А. Изучение лейтмотивов произведений М. Горького как основа методики планирования монографической темы: автореф. дисс. ... к. филол. н. – СПб, 2014. – 21 с.
56. Фомина Е.М. Ключевые концепты художественного мира Теодора Драйзера на примере «Трилогии желания»: дисс. ... к. филол. н. – Нижний Новгород, 2016. – 181 с.
57. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.
58. Ханов В.А. Архетипическая основа образа Якова Маякина в повести М. Горького «Фома Гордеев» // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – №2-3. – С. 797-801.
59. Ханова А.Ф. Антонимы как средство достижения контраста в романе Д. Лондона «Мартин Иден» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т.1. – №1. – С. 93-99.
60. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
61. Хомяков В.И., Винская О.В. Парадигмы русского национального характера // Вестник ОмГУ. – 2012. – №3(65). – С. 224-226.
62. Цекова Л.М. Социально-философские аспекты языка художественной прозы Дж. Лондона: «Железная пята», «Мартин Иден», рассказы: дисс. ... к. филол. н. – Черкесск, 2002. – 149 с.
63. Чебан О.И. Европейские художественные традиции и творчество Д. Лондона (1910-1916 гг.): дисс. ... к. филол. н. – М., 2008. – 193 с.
64. Черныш А.М. К вопросу о сущности национального характера // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – №4. – [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-natsionalnogo-haraktera>. – (дата обращения: 29.05.2020)

65. Швецова А.В. Национальный характер как проблема культурологических исследований // Таврические студии. Серия: Культурология. – 2013. – № 4. – С. 8-16.

66. Шубин Ю.А. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии // Вестник МГУКИ. – 2011. – №4. – С. 42-47.

67. Эфендиева А.А. Проблема нового героя в повестях М. Горького «Фома Гордеев» и «Трое» // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 3(71). – С. 98-105.

68. Юнг Ф. Джек Лондон как поэт рабочего класса / пер. А. Арион. – Ленинград: Книга; Москва: Книга, 1925. – 123 с.

69. Bloom's Modern Critical Views: Jack London. – N.Y.: Bloom's Literary Criticism, 2011. – 158 p.

70. Efendiyeva A.A. Problems of new hero in M. Gorky's narratives "Foma Gordeyev" and "The Three" // Theoretical & Applied Science. – 2019. – No. 6(38). – P. 40-44.

71. Labor E. Jack London. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2013. – 461 p.

72. Letters from Jack London. Vol. 2: 1906-1912. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1988. – P. 542-1105.

73. Sinclair A. Jack: A Biography of Jack London. – N.Y.: Harper and Row, 1977. – 297 p.

74. Stasz Cl. American Dreamers: Charmian and Jack London. – N.Y.: St. Martin's Press, 1982. – 362 p.